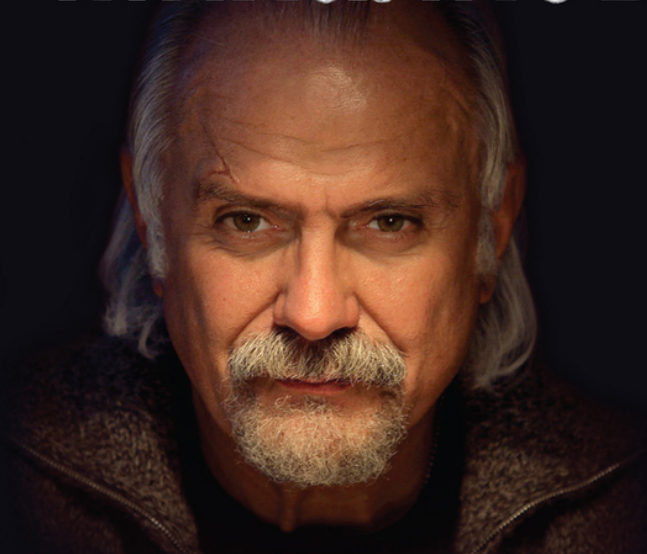


Никита
МИХАЛКОВ



БЕСОГОН

Россия
между прошлым и будущим

Никита Сергеевич Михалков Бесогон. Россия между прошлым и будущим

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18343485

Бесогон. Россия между прошлым и будущим / Никита Михалков.:

Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88589-3

Аннотация

«Русская цивилизация» и «русский либерализм», прошлое, настоящее и будущее России и русского мира, свобода слова и личная ответственность, украинский вопрос, проблемы школьного образования в нашей стране – вот лишь небольшой круг тем, поднимаемых в данной книге известным режиссером и актером Никитой Михалковым.

Книга написана по мотивам авторской программы Никиты Михалкова «Бесогон ТВ», каждый выпуск которой на федеральном канале Россия 24 собирает многомиллионную зрительскую аудиторию.

В этой книге автор возвращается к историческим аспектам развития России, дает личную оценку социальных и политических процессов, происходящих как внутри нашей страны, так и в мире. «Бесогон» – книга независимого человека,

написанная для думающих людей. Автор никого ничему не учит, он приводит факты, ставит вопросы и предлагает вместе искать на них ответы и делать выводы. И это у него получается. Потому что пишет он о том, что его волнует.

Прочтите эту книгу – и вы сможете многое в России увидеть по-новому!

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	11
Телохранитель России – Пётр Аркадьевич Столыпин	11
Русский философ Иван Ильин	27
Живая душа Василия Васильевича Розанова	50
Евразийская памятка российскому политику	66
Казачий поэт Николай Туроверов	77
Часть вторая	104
О России	104
Российская провинция	113
Зарубежная Россия	123
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Никита Михалков

Бесогон. Россия между прошлым и будущим

Фотоколлаж и шрифтовые логотипы на обложке – *Ф. Бар-
бышев*

На обложке кадр из кинокартины «12» Студии ТРИТЭ
Никиты Михалкова

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

AP Photo/© East News

Bob Schutz/AP Photo/© East News

Philippe Wojazer/AP Photo/© East News

FotograFF, Денис Куваев/Фотобанк Лори/Legion-Media

Goran Jakuš/Фотобанк Лори/PantherMedia/Legion-Media

Юрий Сомов, Михаил Озерский, Юрий Абрамочкин,

Дмитрий Коробейников, Сергей Гунеев, Эттингер, Галина

Киселева, Анатолий Гаранин, Александр Батанов, Андрей

Стенин, Александр Вильф, Григорий Василенко, Максим

Блинов, Ирина Геращенко, Василий Батанов/РИА Новости

Oleg Golovnev/Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Предисловие



Гоголевские «Мёртвые души» помнят все, и большинство из нас, прочитав сию «Поэму», вздохнут и скажут вслед за Пушкиным: «Боже, как грустна наша Россия...»

Это правда, но это – не вся правда.

В России были, есть и будут другие – живые души, те, чьи-ми усилиями, талантом и волей Россия строилась, крепла, развивалась, те, кто любил её пуще жизни, кто отдал ей себя без остатка и кого мы, вольно и невольно, подзабыли. Да и немудрено, ведь в советское время эти люди стали политическими и литературными изгнанниками.

Поэтому сегодня, дорогие читатели, я предлагаю вашему вниманию книгу, которая посвящена и тем и другим – жи-

вым и мёртвым душам России. Она называется «Бесогон», потому что львиная её доля написана на основе видеоматериалов одноимённого блога и моих телевизионных передач на канале «Россия-24».

Книга моя состоит из трёх частей и приложения.

В первой части, которая называется «Русский камертон», я познакомлю вас с русскими людьми: государственными деятелями, политиками, мыслителями и поэтами – теми, кто сыграл в моей жизни важную роль и кто во многом сформировал моё мировоззрение – художественное и гражданское. Назову их по именам – Пётр Аркадьевич Столыпин, Иван Александрович Ильин, Василий Васильевич Розанов, Николай Сергеевич Трубецкой, Пётр Николаевич Савицкий, Николай Николаевич Туроверов. Все они были людьми крупными и самобытными, подчас противоречивыми, но всех их объединяло одно – это были живые русские души, целиком и полностью посвятившие свой талант служению Отечеству. Я всех их очень люблю и хотел бы поделиться этой любовью с вами, и обратить на них – для кого-то в очередной раз, а для кого-то в первый – ваше читательское и человеческое внимание. И если найдётся среди вас хотя бы один человек, кто разделит со мной эту любовь и станет моим товарищем и единомышленником, то я со спокойной совестью посчитаю задачу первой части книги выполненною.

Во второй части, под названием «Россия и Русский мир», я предлагаю вам мои размышления о судьбе нашей Родины,

о русских и не русских людях, живущих в ней, о её радостях и горестях, о большом и малом в жизни страны и каждого из нас. Вас ждёт рассказ о провинциальной России, которую я хорошо знаю и очень люблю, о России зарубежной, о наших детях, о современных проблемах образования и воспитания в школе и семье. Мы поговорим с вами о русском либерализме и толерантности. Здесь моими героями выступают уже не только живые, но и мёртвые души, «изгнанию бесов» из которых, по преимуществу, и посвящён мой видеоблог «Бесогон», многие сюжеты которого собирали и собирают сотни тысяч и даже миллионы зрительских просмотров. Думаю, что отобранные, скомпонованные и связанные литературно-публицистической формой, – эти повествования не только явятся для вас интересным чтением, но доставят пищу для ума и подвигнут к самостоятельным выводам.

Третья часть – «Россия в современном мире». Она начинается со статьи «Россия – между прошлым и будущим», задающей, на мой взгляд, верную ноту для чтения и понимания третьей части книги. Здесь нас ожидают сюжеты, раскрывающие взаимоотношения России с ближним и дальним зарубежьем. Много будет сказано об Украине. Но не только о ней. Европа и Америка – их роль и влияние на то, что происходило, и происходит, и может происходить в нашей стране вчера, сегодня и завтра, – станут предметом вашего читательского внимания. Думается, что здесь многое покажется вам интересным и неожиданным.

Подчеркну характерную особенность всех трёх частей книги. Я много и подробно цитирую, а иногда и полностью привожу точку зрения тех авторов, с кем я согласен или не согласен. В «Бесогоне-ТВ» у меня та же манера изложения. Я считаю это правильным и принципиальным. Во-первых, потому, что тем самым я даю возможность всем живущим ныне и жившим ранее авторам высказать свои мысли так, как они хотели их высказать, а не пересказываю их своими словами. Во-вторых, потому, что, помимо моей оценки, мне важно дать возможность читателю самому определиться с точкой зрения на цитируемый текст, при этом, как вы понимаете, совсем необязательно, что наши с вами точки зрения совпадут. Важно и то, что вы получаете возможность самостоятельно прочитать интересный и познавательный текст, который по тем или иным причинам оказался для вас ранее недоступным. Так что задачи, которые я ставлю перед собой в этой книге, – не только литературно-публицистические, но и публикаторские.

В приложении я публикую книжную редакцию Манифеста просвещённого консерватизма под названием «Право и Правда».

Напомню, что составленный мною в начале 2000-х годов по итогам работы проводившегося в Российском фонде культуры Консервативного семинара «Манифест» был обнародован в 2010 году в сети Интернет. Он вызывал огромный читательский интерес и полярные оценки. Стало ясно, что

консервативная идеология в России востребована и ожидаема. Сегодня я по-прежнему убеждён, что именно за ней – наше политическое будущее. Поэтому считаю важным вновь поднять эту тему. Надеюсь, что и на этот раз публикация «Манифеста» не окажется незамеченной и послужит делу формирования полноценной Консервативной партии в России.

Всего вам доброго. И приятного чтения!



Часть первая

Русский камертон

**Телохранитель России –
Пётр Аркадьевич Столыпин**



В 2012 году, когда я работал в Комитете по организации празднования 150-летия Петра Аркадьевича Столыпина, у меня возникла мысль о создании общества, движения или форума приверженцев «стольпинской идеи». Захотелось собрать и объединить всех, кто чувствует и понимает Стольпинские реформы, желает следовать им, кто разделяет образ его мыслей, сопереживает его раздумьям о России.

Предложение моё было растиражировано. Последовало много откликов – и позитивных, и негативных. Больше негативных. К сожалению, негативные отклики были либо осознанным шельмованием, либо объяснялись полным непониманием и незнанием сути исторических вещей и событий. И выводы, которые делались этими людьми, совершенно не соответствовали действительности. Поэтому сегодня мне хотелось бы разъяснить – не убедить и не переубедить кого-то, – а именно разъяснить тем, кому это интересно: что же за личностью был Столыпин, чего он хотел для России и чего он для неё добился.



Пётр Аркадьевич Столыпин

Итак, Пётр Столыпин. Человек, который говорил: «Разрушьте, господа, опасный признак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, – презрение к нашей родине... презрение чувствуется и со стороны непрошенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Страхните с себя, господа, этот злой сон, и олице-

творяя собою Россию... докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу».

Столыпин начал свои реформы не просто так. И не для того, чтобы что-то само по себе изменить. А потому – что он знал и любил Россию и реально понимал, что для неё жизненно необходимо.

С какой же страной столкнулся на тот момент Столыпин? Какова была ситуация в России?

Во-первых – слабая власть, допустившая абсолютно чудовищный разгул терроризма. В результате убийств, взрывов, грабежей и поджогов за период с 1905 по 1910-й погибло почти 18 000 человек! Только с января 1908-го по май 1910-го в результате терактов погибли 732 должностных лица и более 3000 гражданских лиц. (В России начала XX века самой опасной профессией становится профессия городского...))

Во-вторых – падение авторитета власти.

В-третьих – разрастающийся госаппарат и коррупция. Позорное поражение в Японской войне. И ещё более позорное отношение российской интеллигенции к этому поражению. (Доходило до того, что некоторые деятели посылали поздравительные телеграммы японскому императору, поздравляя с победой микадо!)

В-четвёртых – колоссальный бюджетный дефицит.

В-пятых – опасность кризиса. Остановка предприятий. Огромный отток капитала за границу, кланчанье кредитов у западных правительств и зарубежных банкиров.

В-шестых – сепаратизм окраин. (Что-то напоминает, да?)

В-седьмых – бесправие крестьян. Невозможность работать на своей земле.

В-восьмых – безысходность в общественном сознании. Неверие в будущее. Разочарование в могуществе государства. Духовный кризис. Массовый алкоголизм.

В-девятых – страшное падение рождаемости.

Вот с какой страной столкнулся Столыпин, когда стал премьер-министром.

Столыпин начал свои реформы не просто так. И не для того, чтобы что-то само по себе изменить. А потому – что он знал и любил Россию и реально понимал, что для неё жизненно необходимо.

Мне кажется, здесь есть о чём подумать. Ведь ситуация во многом схожа с тем, что происходит в России сегодня. И по оттоку капитала, и по потере уважения к государственности, и по социальным болезням, и по падению рождаемости...

Парадокс, но Столыпин оказывается перед этой ситуацией практически в одиночестве. Общество не желало его поддерживать. Есть очень точное наблюдение философа Льва Александровича Тихомирова: «Все ищут “гармонии”, которой нет в душах и которую надеются найти во внешних условиях... Беда в том, что настроение людей ведёт не к улучшению... а непременно к уничтожению, перевороту... Вся критика, вся умственная работа становится орудием не улучшения, а разрушения. Причём это фатальное положение обу-

словлено не недостатками строя, а психологическим состоянием людей».

Нужно ли комментировать эти слова? Не видим ли мы сегодня печально-зловещих отблесков того, о чём писал когда-то Лев Тихомиров? И не проводим ли мысленно прямые аналогии с тем временем?

Столыпин понимал: если не укрепить власть, если не положить конец террору – жёстко и решительно, – то страна будет погублена. И он взял на себя ответственность, ответственность – за страну.



Всем нам рассказывали в школе, насколько «жесток» был Столыпин и про пресловутые «столыпинские галстуки». Но ведь если террористами в России было убито 18 000 человек, то военно-полевые суды с санкции Столыпина приговорили к казни за это же время только 3000 террористов.

Шесть – к одному! Причём первые были жертвами, а вторые – преступниками.

Из советской пропаганды мы помним и про «столыпинские вагоны»...

Но если задуматься?

Столыпин переселял в Сибирь крестьян из густонаселённых областей России, тех крестьян, у которых практически не было своей земли. Он расселял Россию. Возвращал к земле люмпенизированное крестьянство, которое, придя в город, будучи оторвано от земли, брало в руки булыжник и превращалось в лишённую корней безликую массу, которой легко было манипулировать и управлять. Столыпин заботился в первую очередь о том, чтобы крестьяне возвращались к земле, заселяя и обживая Сибирь. И если бы не он, я не знаю, что было бы сегодня и на Дальнем Востоке, и в Сибири...

Теперь «о вагонах». Действительно, во второй части вагона перевозился скот. Но ведь так и жили крестьяне в курных избах, когда скот был в хлеву, здесь же, рядом, при входе, а внутри, в чистой горнице, жили взрослые, дети, старики...

А вот потом эти вагоны начали использоваться большевиками. В них людей отправляли в ту же сторону, но уже совсем по другому поводу. Не для того, чтобы люди заселяли и обрабатывали сибирские земли, а для того, чтобы они сидели и умирали в лагерях на каторжных работах.

Я уже не говорю о том, сколько жертв было после революции, какие беззакония творились в стране. Расстрел царской семьи, ужасы красного террора... Невообразимая жестокость, с которой орудовали в Крыму два жутких персонажа: Бела Кун и Розалия Землячка. Десятки тысяч офицеров, которых обманули, пообещав «прощение» в обмен на сдачу оружия и снятие погон. Они были коварно обмануты и подло убиты. А ведь всё это, вместе взятое, включая и чудовищный голод, и репрессии 1930-х годов, явилось трагическим результатом того, что глубоко продуманные, национально адаптированные экономические и социальные реформы были прерваны убийством Столыпина.

За эти реформы его и убили!



Русские поселенцы. Фотография Сергея Михайловича Прокудина-Горского, до 1915 г.

Есть весьма любопытный и показательный документ. Это свидетельство французского экономиста Эдмона Тери, отправленного в Россию, чтобы разобраться в причинах её стремительного экономического роста.

Вот что он пишет: «Уже начиная с 1 января 1909 года рост обычных доходов дал казне такие излишки, что, не прибегая ни к каким займам, казна смогла покрыть в 1910, 1911, 1912 гг. более 700 млн рублей чрезвычайных расходов... И, несмотря на это, свободные средства казны к 1 января 1913 года превышали 450 млн рублей. Короче, – не без печали, надо сказать, пишет Тери, – экономическое и финансовое

положение России в настоящий момент превосходно».

Далее он предполагает, что если так пойдёт дело, то к 1945 году Россия будет насчитывать около 500 миллионов человек, что это будет страна с развитой экономикой и что с этой страной очень будет трудно или даже невозможно сладить.

Подчеркнём, что Столыпин делал ставку на крепкого крестьянина – здорового, непьющего, работающего. Пётр Аркадьевич говорил: «Лишь создание многочисленного класса мелких земельных собственников, лишь развитие среди крестьян инстинкта собственности, лишь освобождение наиболее энергичных и предприимчивых крестьян от гнёта мира могут поднять наконец нашу деревню... И сторонники революционных и социалистических учений прекрасно понимают опасность, грозящую им от правительственных и землеустроительных начинаний. Оно и понятно: крепкое, проникнутое идеей собственности, богатое крестьянство служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия...»

Кстати говоря, в период коллективизации уничтожали (физически уничтожали!) зажиточного работающего крестьянина и «кулака». Железная логика пролетарской жизни выстраивалась таким образом, что люмпен-пролетарий – нищий, ленивый и злой – оказывался наверху, на гребне революционной волны и власти, истребляя вокруг себя всё созидательное, всё, что имело тенденцию к росту и благополучию.

Давайте проанализируем факты. Просто факты.

1. За период с 1908 по 1912 год количество земли в частной собственности – более чем 2 000 000 гектаров, средняя площадь на семью – 13 и 15 гектаров.

2. Производство зерновых – 20 % от мирового производства и 28 % – от производства Соединённых Штатов, Канады и Аргентины, вместе взятых.

3. Увеличение производства мяса на 190,4 %! Масла – на 247,5 %. Потребление мяса на душу населения в это время – 88 килограммов на человека. (Сегодня – 62, кстати говоря.)

4. Экспорт пищевых продуктов и скота дал стране плюс 672,7 млн рублей, что сегодня приблизительно составляет 31 157 000 000 долларов США.



Крестьянские дети в Ясной Поляне. Фотография Сергея

Михайловича Прокудина-Горского, до 1915 г.

В 1912 году Россия вывезла за рубеж масла на 68 000 000 рублей, что превысило стоимость годовой добычи сибирского золота. Причём золото, нефть – это ископаемые, это не дело рук человеческих. А масло – дело человеческих рук! И когда выгода от продажи масла богльшая, чем от вымыывания на приисках золота, – то это значит, что доход и прибыль приносят не только недра, данные Богом, которые выгребаются, вывозятся и продаются, а прибыль приносит рациональное хозяйствование, то есть дело рук человеческих!

Итак, результат. С 1902 по 1912 год население Российской империи увеличивалось на 3 174 000 человек в год. Другими словами, за десять лет население страны, включая Сибирь, на которую приходился наибольший пропорциональный прирост населения (52,7 %), составило более 30 миллионов человек. Для сравнения: с 1994 до 2004 года прирост населения в России, в том числе и в Сибири, был равен нулю. (Сейчас кое-что изменилось к лучшему, но с 1994 года статистика была просто угрожающая.)



Похороны Петра Столыпина

Бурное экономическое развитие России напугало западный мир. К чему, к каким вершинам придёт Россия, если так и дальше пойдёт? Не пора ли её остановить? Но как?! Убийство Столыпина и оказалось надёжным способом – остановить рост, задушить реформы. И преступный замысел удался. Столыпин был убит – и реформы прекратились...

Что же в Столыпинских реформах было самое главное? Думаю – понимание сути русского человека, его менталитета, его внутреннего кода.

И ещё очень важно, что Столыпин сделал ставку на сильного, трезвого, работающего крестьянина. Он понимал, что только тогда, когда крестьянство станет сильным, мощным

классом, то естественным образом разовьётся и средний класс промышленников и предпринимателей и возникнет та корневая система, которой будут скованы, остановлены социальные катаклизмы и «колебания умов, ни в чём не твердых», приведшие русский народ к трагедии русской революции.

Мне думается, что «столыпинская идея» сегодня актуальна! А столыпинский подход – единственно правильный!

Что же в Столыпинских реформах было самое главное? Думаю – понимание сути русского человека, его менталитета, его внутреннего кода.

Промыслительно и то, что уже в начале XX века Столыпин призывает Россию обратиться лицом к Востоку. Он пишет: что если не мы, то придут другие. И это потрясающая мысль! Разве мы не видим сегодня, как развивается Китай. Китай сегодня единственная страна, не отказавшаяся от своей истории, от своего национального кода, от собственного пути развития и при всех своих внутренних сложностях остающаяся тем монолитом, на который не действуют кризисы. Скажу так: в Китае работает система, практически не зависящая от того, как себя будут вести по отношению к ней Соединённые Штаты Америки. Нет, она зависима, конечно, но не до такой степени, как мы, допустим, или как Европа. Экономическая система Китая существует автономно, китайцы могут жить сами по себе, они производят для себя и продают, они занимаются рукотворчеством, а не продажей

ископаемых. Они ценят, как и Столыпин когда-то, дело рук человеческих!

Мне думается, что сегодня «столыпинская идея», как идея просвещённого консерватизма, может стать, если её поддержат народ и руководство страны, тем самым компасом, который поможет нам, обращаясь к прошлому, двигаться в будущее. Потому что выстраивать будущее России, забыв об историческом прошлом, невозможно. Его просто нет! Переломать русский народ через колено – можно, расчленив страну – можно, погубить миллионы людей – можно... А зачем, ради чего?!

Подведём итоги.

Какой хотел видеть Столыпин Россию? Какой России ему увидеть так и не пришлось? Что же такое была бы Великая Россия для Столыпина сегодня?

С моей точки зрения, это:

- ✓ соединение просвещённого консерватизма с просвещённым патриотизмом;
- ✓ органическое сочетание традиций и новаций в российской жизни;
- ✓ евразийский сплав духовной мудрости и материальной силы;
- ✓ стратегическое континентальное единение, осознающее масштаб и значимость своей страны;
- ✓ конкурентоспособность России в современном гло-

бальном мире;

- ✓ реальное многополярное сочетание традиционных религий и многонациональных культур в едином пространстве;
- ✓ гордость за свою страну, чувство личного достоинства и уважение достоинства другого человека;
- ✓ русский крест, органично соединяющий вертикаль государственной власти и горизонталь культуры и экономики;
- ✓ единство права и правды, веры и верности;
- ✓ здоровая и благополучная нация, свободный и ответственный человек;
- ✓ забота о семье в единстве всех её поколений.

И что очень важно – вооружённая эволюция, как принцип общественно-государственного развития, созидательная эволюция, которая умеет защищаться от разрушительного террора революции.

Я убеждён, что весь опыт Столыпина, всё то, что он делал, было направлено к тому, чтобы Россия оказалась такой страной. Я уверен, что подавляющее большинство жителей нашей страны и все наши соотечественники хотели бы видеть нашу Россию именно такой.

И для этого есть путь.

Его проложил для нас Пётр Аркадьевич Столыпин.

Русский философ Иван Ильин

В 2011 году в Астане проходил форум европейских и азиатских медиа – ФЕАМ. В форуме принимали участие свыше 250 представителей массмедиа из стран СНГ, Балтии и Грузии. В их числе – руководители СМИ и ведущие топ-менеджеры медиаиндустрии постсоветского пространства; эксперты, аналитики, блогеры. Пригласили и меня в качестве специального гостя. Я с удовольствием согласился, тем более что мне было что показать. Мы только что сделали небольшую, на 40 минут, документальную картину. Она называется «Русский философ Иван Ильин». Полагаю, что название как нельзя лучше отражает суть учения Ильина, для которого «русскость» была не менее важна, чем собственно философия. Я назвал этот фильм «провокативными зарисовками». И время показало, насколько я был прав...

Давайте совершим небольшой исторический экскурс.

В мае 1922 года Владимир Ильич Ленин предложил отменить применение смертной казни для не признающих советскую власть учёных, заменив её высылкой за границу. В Уголовный кодекс по его указанию была срочно введена статья «О праве замены расстрела высылкой за границу по решению ВЦИК (на срок или бессрочно)... и расстрел за неразрешённое возвращение из-за границы».

В то же время в письме к Дзержинскому Ленин называет

профессоров, писателей и других представителей интеллигенции «явными контрреволюционерами, пособниками Антанты», её слугами, шпионами и «растлителями учащейся молодёжи». Вскоре Дзержинский подаёт Записку в Политбюро ЦК: «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». На основании этой Записки была создана специальная «тройка», которая начала составлять списки кандидатов в изгнание.

17 июля в письме к Сталину Ленин пишет: «Комиссия... должна предоставить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго... Всех их – вон из России. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!»



Иван Александрович Ильин

10 августа ВЦИК принял декрет «Об административной высылке за границу или в определённые местности РСФСР лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям». Были составлены три списка: московский, петроградский и украинский. В одну ночь были произведены обыски и аресты в Москве, Петрограде, Киеве и ряде других городов. Каждый обречённый на высылку должен был дать подписку о том, что обязуется не возвращаться в РСФСР без специального разрешения советской власти, и подтвердить, что ознакомлен с наказанием за самовольное возвращение. А наказанием был расстрел – без суда и следствия. Михаил Осоргин

в книге «Как нас уехали» вспоминал, как спросил следователя: в чём, собственно, его обвиняют? На что тот ответил: «Ах, оставьте, товарищ, это неважно! Ни к чему задавать пустые вопросы».

Согласно Декрету об административной высылке, срок высылки не мог превышать трёх лет. Но одновременно был принят Указ о лишении гражданства всех эмигрантов! «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...»

Кому и чему верить? Этого никто не знал. Но самого факта высылки из страны, в которой ты родился, где прожил десятки лет, во благо которой трудился, люди не могли принять. Они просто не верили в происходящее. К тому же советская власть не считала высылаемых серьёзной контрреволюционной силой. Да и сами они себя таковой не считали. Николай Александрович Бердяев в своей автобиографической книге «Самопознание» писал об этом так: «Что я противопоставлял коммунизму?.. Я противопоставлял, прежде всего, принцип духовной свободы, для меня изначальный, абсолютный, который нельзя уступить ни за какие блага мира. Я противопоставлял также принцип личности как высшей ценности, её независимость от общества и государства, от внешней среды... Это совсем не значит, что я антисоциалист. Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический, не авторитарный...»

И вот 29 сентября 1922 года из Петрограда отплыл пароход «Обербургомистр Хакен». На его борту находились

религиозный мыслитель Борис Вышеславцев, философ Николай Бердяев, историк и публицист, депутат II Государственной Думы Александр Кизеветтер, заведующий кафедрой философии Московского университета Семён Людвигович Франк, князь Сергей Трубецкой. Там были писатель Михаил Осоргин, ректоры Московского и Петроградского университетов Новиков и Карсавин, инженер-конструктор Ясинский...

Каждому пассажиру разрешили взять с собой «одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок». Высылали спешно. Многие не успели даже проститься с друзьями и родными. Некоторых привозили прямо из тюрьмы и сразу загоняли в каюты. Среди этих замечательных людей был и наш герой – Иван Александрович Ильин, изгнанник меж изгнанников...

Набережная Лейтенанта Шмидта (бывшая Николаевская) – где через сто без малого лет попечением Санкт-Петербургского философского общества будет установлен памятник с надписью: «Отсюда осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки», – была почти пуста. Мы не знаем, пришёл ли кто-то проводить Ильина. Его жена Наталия Николаевна поделила с ним горечь изгнания. (Это была удивительная женщина, занимавшаяся историей, искусством, философией. Она приходилась двоюрод-

ной сестрой жене Ивана Бунина Вере и сёстрам Герцык. Евгения Герцык вспоминает: «В 1906 году наша двоюродная сестра вышла замуж за студента Ильина. Недавний революционер-эсдек (он был на памятном съезде в Финляндии в 1905 году), теперь неокантианец, но сохранивший тот же максимализм, он сразу порвал с роднёй жены, как раньше со своей, насквозь буржуазной. Двоюродная сестра не была нам близка, но – умная и молчаливая – она всю жизнь делила симпатии мужа, немного ироническая к его горячности. Он же благоговел перед её мудрым спокойствием».)

Итак, родственники не провожали его. Но может быть, друзья? Ученики? Вряд ли. Слишком опасной фигурой был Ильин. Его столкновения с советской властью начались задолго до 1920-х годов. Символично, но когда в 1909 году Ленин (под псевдонимом «В. Ильин») опубликовал свою программную работу по философии «Материализм и эмпириокритицизм», то именно её выбрал мишенью для уничтожающей критики молодой философ Иван Ильин.

Начало противостоянию было положено...

Впоследствии Ильина арестовывали шесть (!) раз. Он никогда не скрывал своих взглядов, и арест в 1922 году окончился для него смертным приговором. Но приговор вскоре заменили лишением гражданства, конфискацией имущества и высылкой. Вероятно, определённую роль в этом деле сыграла записка Ленина Дзержинскому: «Ильин хотя и не наш, но талантлив, отпустите его».

Хотел ли Ильин, чтобы его так «отпустили»? Не думаю. Хотя изгнание и спасло ему жизнь, мог ли он желать навсегда уехать из России? Вряд ли.

В ноябре 1922 года он писал Петру Бернгардовичу Струве:

«Я жил там, на родине, совсем не потому, что “нельзя было выехать”, а потому, что Наталия Николаевна и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и очень опасным для жизни. Мы бы сами и теперь не уехали бы; ибо Россия в своём основном массиве – там; там она болеет, там же находит и найдёт пути к исцелению. От постели больной матери... не уезжают; разве только – оторванные и выброшенные».

Как он пережил это несчастье?

Ответ на этот вопрос мы находим в его трудах:

«Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить; но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность: не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье изжить; и ещё: как бы в погоне за “облегчением” и “счастьем” не развязать всеобщую губительную смуту...

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастии собирать силы; умудряться неудачей и творчески расти после пора-

жизни; жить в крайней скудости, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении; но возрождаться из пепла и на костях; всё вновь начинать “ни с чего”; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета...»

Родившись в Москве 28 марта (ст. ст.) 1882 года и прожив в ней почти сорок лет, Ильин тем не менее был человеком петербургского, европейского склада, «птенцом гнезда Петрова». Высокий, худой, аскетичный Ильин был блестяще образованным правоведом и философом. Он в буквальном смысле слова подавлял эрудицией и логикой самоуверенных либеральствующих пошляков. И надо сказать, делал это не без удовольствия. Это был ум афористичный, диалектический.

Ильин был классическим просвещённым консерваторм. Вся жизнь он держался монархических убеждений. Соратник П. Б. Струве, сотрудник газеты «Возрождение», друг И. С. Шмелева, товарищ К. И. Зайцева, будущего архимандрита Константина, Ильин был общепризнанным идеологом и «певцом» Белого Дела. Блестяще владея европейскими языками, он много ездил и выступал с лекциями по Европе. В эмиграции, продолжая дело П. И. Новгородцева, Ильин много потрудились на ниве русского права, в первую очередь публичного права. В 1938 году им был составлен «Проект Основного Закона России», текст которого, к сожалению,

остался вне поля зрения разработчиков ныне действующей Конституции России. Конечно, наивно думать, что текст этот сегодня мог бы стать основой Российской Конституции, но понять и почувствовать, что думал по этому поводу один из умнейших русских провидцев, было бы, на мой взгляд, не лишне.

Ильин был человеком глубоко верующим, по-настоящему близким кругу духовенства Русской Зарубежной Церкви. Обладал он и удивительным пророческим даром. Работая на перспективу, для будущей России, он всегда «бил точно в цель» и, надо сказать, делает это до сих пор...

Высокий у худой у аскетичный Ильин был блестяще образованным правоведом и философом. Он в буквальном смысле слова подавлял эрудицией и логикой самоуверенных либеральствующих пошляков.

Его замечательную работу «Что сулит миру расчленение России» мне удалось издать (в составе книги «О России») в 1991 году. Это была первая публикация книги Ильина в России после его эмиграции. Небольшая книжечка, увидевшая свет в 1948 году, в виде бюллетеней Русского Обще-Воинского Союза, была написана человеком, который жил Россией, не живя в ней. Он, как Ванга или как старцы, не видя, предсказывал. В 1948 году написать такое! Страна выиграла войну, была на подъёме, культ Сталина достиг апогея. Казалось бы, разговор мог быть один: СССР – великая держава... А Ильин пишет о его распаде! И о том, как распад этот дол-

жен произойти, и о том, к чему он может привести; причём предупреждает о реальных опасностях, которые таил в себе развал СССР, в котором он был уверен уже в 1948 году.

И всё это произошло через сорок с небольшим лет, как по нотам! Причём именно так, как Ильин и предрекал:

«Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богато-го, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина – не будет вовсе. Нищее крестьянство, пролетаризованное вокруг “агрофабрик” и “агрогородов”; нищий рабочий в промышленности; нищий ремесленник, нищий горожанин... Это будет народ “бесклассового общества”; ограбленный, но отнюдь не забывший ни того, что его ограбили, ни того, что именно у него отняли, ни тех, кто его подверг “экспроприации”.

Все будут бедны, переутомлены и ожесточены. Государственный центр, ограбивший всех, исчезнет; но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, награбленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно-цветущем виде: ибо оно, по всем видимостям, пройдет через период ожесточённой борьбы за власть. Итак, предстоит нищета граждан и государственное оскудение: классическое последствие всех длительных революций и войн... Подо-

рваны все духовные и все социальные основы демократии – вплоть до оседлости, вплоть до веры в труд, вплоть до уважения к честно нажитому имуществу. В клочки разорвана ткань национальной солидарности. Повсюду скопилась невиданная жажда мести. Массы мечтают о том, чтобы стряхнуть с себя гипноз подлого страха и ответить на затяжной организованный террор бурным дезорганизованным террором».

Подчеркну ещё раз: это написано в те времена, когда развал Советского Союза даже вообразить себе невозможно было... И мы своими глазами увидели, как за три дня, с 18 по 21 августа 1991 года, рухнул Советский Союз...

В результате «великих потрясений» 1990-х годов мы получили Россию, которая похожа на ту, что некогда досталась Столыпину. Бюджетный дефицит. Безудержно разрастающийся государственный аппарат. Коррупция. Остановка предприятий, отток российского капитала за границу, выклянчивание кредитов у иностранных банков. Крестьяне не имеют возможности работать на своей земле. Преобладающие общественные настроения: безысходность и разочарование. Алкоголизм, падение рождаемости, духовный кризис. В общем – катастрофа...

(Но за десять лет мудрого хозяйского столыпинского управления прирост населения в стране составил более чем 3 000 000 человек в год. Вдумайтесь! С 1902 года по 1912 год население Российской империи увеличивалось на 3 174

000 человек ежегодно. Почему же это случилось? Потенция возросла? Нет. Просто у людей появилась надежда и воля к жизни. А вот если у народа нет воли к жизни – он будет влачить своё жалкое существование, пока не иссякнут природные ресурсы, а потом придут новые хозяева в голубых берегах и под лозунги «о демократии» наведут свои жесточайшие порядки.)

И Ильин прямо указывает, что в этих условиях появятся «новые силы», которые обернут себе во благо политическую беспомощность наших граждан:

«И в этот момент им предложат: 1. “Демократическую свободу”; 2. “Право всяческого самоопределения” и 3. “Доктрину народного суверенитета”.

Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?

Лозунг “демократия немедленно и во что бы то ни стало” один раз привёл уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже антикоммунистической... Или они попытаются создать новый “демократический фашизм”, чтобы, воспевая свободу, попираť её от лица новой, неслыханной в истории псевдодемократии?.. Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тяжчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демокра-

тиш, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, и всплывание на поверхность всё новых и новых антикоммунистических тиранов... Если в народе нет здравого правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это “демократией”».

Что же предлагает Иван Ильин, чтобы не допустить развала и исправить ситуацию?

«И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: “Народы бывшей России, расчленийтесь!” – то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмёт в свои крепкие руки “бразды правления”, погасит этот гибельный лозунг и поведёт Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнётся непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия. Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам...

Пройдут годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления эле-

ментарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, – прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и непогибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитующая и возрождающая – диктатура... После большевиков Россию может спасти – или величайшая государственная дисциплинированность русского народа или же национально-государственно-воспитывающая диктатура... Спасти страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим... При таких условиях национальная диктатура станет прямым спасением, а выборы будут или совсем неосуществимы, или окажутся мнимыми, фикцией, лишённой правообразующего авторитета».

По Ильину, будущий диктатор должен будет опираться на духовную силу и лучшие душевные качества русского народа. Таланту и уму должна быть открыта дорога наверх. Отбор людей для государственной службы будет определяться не интригами, не знакомствами, не сословием, а исключительно честностью, творческими способностями и практическими достижениями человека.

Посмотрите на сегодняшние предвыборные ролики лидеров политических партий: как много они обещают. А спроси

у них: а что вы сделали раньше, чего достигли? Тишина...

Ильин прав – когда политический, хозяйственный и моральный распад опустошает страну, как грязевой поток, сходящий с горы, то только просвещённая диктатура может спасти то, что ещё не смыто.

28 декабря 2008 года на канале «Россия» были подведены итоги проекта «Имя России». Кого выбрал народ? Кто был в тройке лидеров? Александр Невский, Пётр Столыпин и... Иосиф Сталин. Ужас?! Народ с ума сошёл? Так нет же! Народ хочет не репрессий, не расстрелов, не разделённых семей. Народ хочет защищённости, стабильности, ответственности власти.

Так или иначе, но все, кто приходил к власти в дореволюционной России и в Советском Союзе, были самодержцами. И если к существительному «диктатура» мы добавим прилагательные «ответственная», «просвещённая», то это понятие обретёт глубокий и очень важный для нас смысл.

Сегодня словом «диктатура» пугают детей. Но если вдуматься и попытаться понять, о чём идёт речь, то всё становится не так страшно. Ильин видел светлое будущее России не в диктатуре пролетариата, а в диктатуре порядочных людей – просвещённой диктатуре. Мы, исходя из отрицательного советского опыта, понимаем диктатуру крайне узко, только как насилие, Ильин же понимал её – как ответственную власть. Максимум ответственности! Никаких взяток, никакой коррупции! Чиновник не должен окормляться,

пока сидит на своём месте!

Что можно противопоставить просвещённой диктатуре, диктатуре порядочных людей в современной России?

Демократическую модель парламентской республики? Смешно!

Достаточно взглянуть на «незалежную», чтобы понять, как это работает. Ведь даже в церемониальной Японии в парламенте применяют горчичный газ, швыряют друг в друга графинами, врукопашную идут. Но бог с ней, с Японией. Они там сами разберутся. Вернёмся в Россию и представим на минуточку, что вся реальная власть (целиком и полностью) находится в руках нашей родимой Думы.

Что можно противопоставить просвещённой диктатуре, диктатуре порядочных людей в современной России?

Демократическую модель парламентской республики? Смешно!

Что мы в этом случае получим? И кто будет за это отвечать?

Риторический вопрос...

Личная ответственность – это верный знак, а коллективная безответственность – это возможность подорвать, уничтожить, размыть всё, что угодно. Чем дальше от столицы и чем ближе к окраинам – тем сильнее размывание. Живёт чиновник, скажем, в Красноярске. Он, как гриб мхом, обрастает связями. У него появляются личные интересы. Он приоб-

ретаает возможность кулуарно принимать важные решения. Лафа, а не жизнь...

А противостоять этому может только серьёзная политическая воля. Тогда не товарищеские отношения и дружеские чаепития будут «решать вопрос», а жёсткая реальность и личная ответственность. Оступился – исправься. Ошибся – отвечай! И без всяких скидок и заминок. Пять, десять подобных примеров будут другим наукой. Мне говорят: да, но при нашей судебной системе... То есть мы заранее согласны с тем, что система продажна, и уверены в том, что так будет всегда. Получается замкнутый круг...

Но это порочный круг! И только мудрость и сила убеждённых, порядочных людей могут и должны этот круг разорвать!

«Многие думают: ... или тоталитарная диктатура – или формальная демократия. А между тем в самой этой формулировке уже указываются новые исходы: 1. Диктатура, но не тоталитарная, не коммунистическая; диктатура, организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; не демагогическая, “сулящая” и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угасающая свободу, а приучающая к подлинной свободе. 2. Демократия, но не формальная, не арифметическая. Не прессующая массовые недоразумения и частные возжеления; демократия, делающая ставку не на человеческого атома и не безразличная к его внут-

*ренной несвободе, а на воспитываемого ею, самоуправляющегося, внутренне свободного гражданина; демократия как-
чественности, ответственности и служения – с избира-
тельным правом, понятым и осуществлённым по-новому.
А за этими двумя возможностями скрывается множество
новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях.
Начиная с новой, творческой, чисто русской народной мо-
нархии».*

К сожалению, в начале 1990-х годов мы поменяли шило коммунизма на мыло демократии. И чуть не потеряли страну. Теперь пришла пора повзрослеть и признать, что наступило время ответственной личной власти, власти, которая будет принимать решения, совершать поступки и нести за них ответственность перед Богом и народом.

Я вспоминаю случай, произошедший с руководителем одной из среднеазиатских республик. Это был тёртый человек, давно уже на посту, видел всякое. Однажды я застал его в мрачном настроении. И он мне сказал: «Вот, мне подали список людей, приговорённых к высшей мере наказания. Их семь человек, и вот эти семь человек я должен умножить на сто. Тогда я получу число людей – их родственников, друзей, сочувствующих, – которые будут меня ненавидеть всю жизнь и считать врагом. Семьсот человек! Я буду долго думать, прежде чем поставить свою подпись под каждой фамилией».

Да, смертная казнь – вопрос спорный и сложный. Но

пусть меня распнут либералы и демократы – я убеждён, что в современной России необходимо восстановить смертную казнь как высшую меру наказания преступника. Не из кровожадности я это говорю! Смертная казнь нужна не для того, чтобы убивать, а чтобы остановить того, кто может убить. Пожизненное заключение – это не то, это несравнимо. Человек знает, что будет жить, что у него будут пища, кров, какое-то общение. Он надеется, что будет видеть восход и закат, сможет получать и писать письма... А там, кто знает – может, «падишах помрёт, может, ишак сдохнет»! У преступника всегда есть надежда. Вот он и убивает с особой жестокостью двенадцать человек, расчлняет их трупы, а получает в итоге... пожизненное заключение. Ему тяжело, страшно, гадко, но он живёт, живёт! И видит Божий мир...

К сожалению у в начале 1990-х годов мы поменяли шило коммунизма на мыло демократии. И чуть не потеряли страну.

Есть преступления, за которые можно расплатиться только жизнью. Да – это не приведёт к торжеству справедливости и добра в отдельно взятой стране. Но зато добрые и порядочные люди, живущие в ней, будут чувствовать себя защищёнными. А если такой защищённости нет, то в народе неизбежно возникают равнодушие, разобщённость, уныние и страх.

Тысячу раз прав Ильин, когда пишет:

«Такие пространства, такое число народностей, таких

склонных к индивидуализму людей можно сплотить исключительно централизованным единым государством, можно удержатъ исключительно авторитарной (не путать с тоталитарной) формой правления. Россия может иметь собственные, самостоятельно возникающие организованные формы авторитарного государства и демократического государства – в единстве. Именно этим – не случайностью и не деспотией московского центра – объясняется то, что Россия на протяжении веков оставалась монархией, притом все сословия и профессиональные цеха вырабатывали и практиковали своеобразные формы самоуправления».

И вот тут мы подошли к очень важной теме – объединению страны. Какие у нас огромные пространства, сколько народностей! Вы садитесь в самолёт и летите на восток. Девять часов лёта! И под вами огромная страна, которая говорит на одном языке – языке Пушкина, Толстого, Чехова...

Как сохранить её, не потерять, не дать расчлениить на безликие и пустынные территории?

России предстоит сделать выбор – куда и с кем она пойдёт в XXI веке. И вокруг чего и ради чего народам России стоит объединиться? Лично я убеждён – наше будущее лежит на Востоке, а не на Западе. Да, мы можем носить западные костюмы, пользоваться плодами европейской цивилизации, изучать мировую культуру и с пиететом относиться к тому, что сделано в Европе за последние пятьсот лет. Но! Там нет будущего. И сама Европа это чувствует. Она стареет,

она уходит... Сегодня Европа напоминает огромный, комфортабельный дом престарелых, где на десять постояльцев – один молодой и сильный человек.

Живая кровь – не там! А где?

Я убеждён – наше будущее лежит на Восток, а не на Западе.

На Востоке – в Евразии, в центре мира. Да – Евразийский союз, восточный менталитет, российская цивилизация – это не «фунт изюма». Но здесь – перспектива! Мы связаны общим прошлым, родовой памятью. У нас одна Победа в великой и страшной войне. Полёт Гагарина – наша общая гордость. У нас близкие понятия о чести и бесчестии, о хорошем и дурном. Мы исповедуем традиционные религии – православие, ислам и буддизм. Мы уже сотни лет мирно живём вместе. И может быть, нам предоставляется последний шанс – воссоздать и сохранить собственный мир, отличающийся от того мира, который медленно, но верно превращается в «интеллектуальный макдоналдс». В этом мире мы потеряем всё, что отличает нас от других. Всё, чем мы имеем право гордиться...

Нужны новые векторы и новые цели; причём не столько материального, сколько духовного характера. И главная задача для современного просвещённого диктатора – это прежде всего задача духовная.

Вот что об этом писал Ильин:

«Политика имеет задание: властно внушаемая солидари-

зация народа, авторитетное воспитание личного, свободного правосознания. Оборона страны и духовный расцвет культуры; созидание национального будущего через учёт национального прошлого, собранного в национальном настоящем... Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям и единый народ найдёт своего личного главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью. И всё это должно совершиться в вековых традициях русского народа и русского государства. И притом – не в виде “реакции”, а в формах творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия».

Всё это может звучать как фантастический роман, как утопия. Но если задуматься, то размышления Ильина могут оказаться куда более реалистичными, чем досужие мнения наших российских политиков. Если Ильин имел дар – предвидеть будущее и предсказывать его, то почему бы нам сегодня не прислушаться к нему? Разумеется, идеи Ильина – не рецепт гарантированного спасения. Это не более чем прогноз на будущее и формулировка задач. Но прогноз основательный, а задачи внятные.

Я понимаю, что не выйдет механически и прямолинейно ввести идеи Ильина в нашу сегодняшнюю жизнь. Их необходимо приспособлять и трансформировать, они подчас рождают вопросов больше, чем ответов. Но ответы на них,

я думаю, найдутся у тех, кто сегодня живёт и действует во благо России.

И такие люди в России есть!

Живая душа Василия Васильевича Розанова

В первой половине XX века ходила по Москве такая литературная байка. Встретились как-то в ресторане Николай Асеев, Владимир Маяковский и Велимир Хлебников. Сидят, разговаривают. Николай Асеев говорит: «Таких поэтов, как я, в мире всего два-три человека». Маяковский ему ответил: «А таких, как я, – один». Хлебников помолчал и сказал: «А таких, как я, – вообще нет».

Василий Васильевич Розанов именно из таких. Подобных ему мыслителей в России – просто не было и нет. Вот, к примеру, Владимир Сергеевич Соловьёв – гениальный русский философ, талантливый поэт, но таких, как он, а вернее людей такого склада и образа мыслей и в России, а тем более в мире было достаточно. Особенно в Германии. А вот Розановых – не было и нет. Подражать ему пытались многие. Это правда, в том числе и в наше время. Но не получалось. Потому что Розанов жил и писал «не так».



Василий Васильевич Розанов

А как? Да – вот так:

«Шумит ветер в полночь и несёт листы...

Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полу-мысли, полу-чувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что “сошли” прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, – без всего постороннего...

Просто, – “душа живёт”, то есть “жила”, “дохнула”...»

Живая душа Василия Васильевича Розанова... она согрела и мою душу, укрепила во мне дух русского человека.

Человек это был особенный, и каждый, кто прочитает Розанова сегодня, либо влюбится в него безоговорочно и примет его как своего, либо отвергнет как чужого.

Равнодушных не предвидится.

Так с ним было всегда: в жизни и творчестве. Страстный, хлёсткий, противоречивый, порою даже злой, но никогда не равнодушно теплохладный и всегда русский по нутряной сути своей.

Достаточно вспомнить хотя бы публичное осуждение и исключение в 1914 году Розанова (за его позицию в печати «по делу Бейлиса», а вернее по «делу Ющинского») из «Религиозно-философского общества»; это того самого Розанова, который в 1917 году пропоёт оду «великому предназначению еврейского народа». Почти все тогда негодовали, это правда. Многие пытались клеить ему ярлыки, поливать грязью, мазать дёгтем.

Но почему-то ничего не липло к этому человеку. Не липло, и всё!

И это многих раздражало... А раздражало главным образом потому, что Розанов был человеком единого, цельного, горячего русского духовного склада.

Живая душа Василия Васильевича Розанова... она согрела и мою душу, укрепила во мне дух русского человека.

И это – главное.

На первый взгляд Василий Васильевич Розанов – это отсутствие всякой общепринятой мыслительной формы. Логика – ну, никакой. Человек совершенно «нелитературный», а пишет так, что кожей чувствуешь «биение живого». В его «Опавших листьях» – каждую жилочку видно.



Алексей Сергеевич Суворин

Сам – небольшого роста, узкоплечий, несклад- ный, рыже-

ватый. При полном отсутствии атрибутов внешней силы, мужественности и красоты, он как древний грек боготворил человеческое тело, был страстен (даже в каком-то смысле развратен) и всю жизнь мучился проблемами физики и «метафизики пола». Пожалуй, именно он олицетворял собой ненасытное и плодовитое «женское начало» в российской словесности. Куда там прошлым и настоящим декадентам! Он не писал, а изливал душу на бумагу. Писал (по его собственным словам) даже не кровью, а семенем человеческим. Выворачивал себя наизнанку. Какая-то патофилология, ежедневная и непрерывная бытовая исповедь «ветхого Адама», рвущегося – к Богу.

Розанов – это, конечно же, Москва. Точнее, персонифицированное в слове ощущение Москвы. Её говоров, жестов, запахов. И это несмотря на то, что самые счастливые и полнокровные годы своей жизни он провёл в Санкт-Петербурге – в кругу большой семьи, рядом с женой-«другом», сотрудничая у любимого им Алексея Сергеевича Суворина в «Новом Времени». Именно в эти годы были написаны «Уединённое» (1911), два короба «Опавших листьев» (1913, 1915), «Сахарна» (1913), «Мимолётное» (1914, 1915) и «Последние листья» (1916, 1917). А закончилось всё это счастье – революционным Петроградом, из которого Розанов бежал в 1917 году в показавшийся ему спасительным и тихим Сергиев Посад, где он написал свой последний и страшный «Апокалипсис нашего времени».

В Сергиевом Посаде в 1919 году, «вдруг» оставленный в покое публикой, недугуя и голодая, Розанов скончался. Его отпел и проводил в последний путь давний друг – о. Павел Флоренский. Погребён Розанов на кладбище Черниговского монастыря рядом с могилой Константина Николаевича Леонтьева.

Сегодня Розанова помнят и издают. Каждый год в годовщину смерти на 5 февраля приезжают к нему на могилу его верные читатели и почитатели. Служат панихиду, поминают душу усопшего раба Божьего Василия. В издательстве «Республика», под общей редакцией А. Н. Николюкина, начиная с 1994 года по настоящее время издано (если не ошибаюсь) более тридцати томов его сочинений. Не знаю, как бы сам Василий Васильевич прореагировал, увидев всё это, в ряд на академической книжной полке...

Грешен и я. В моём издательстве «Сибирский цирюльник» в 2002 году вышла в свет книга «Розанов и Ильин. Азбука парадоксальных истин», в которой я подобрал и опубликовал выборку из «розановской листвы», поразившей меня своей парадоксальностью и искренностью.

Хотелось бы, чтобы и вы (кто – в очередной, а кто, может быть, и в первый раз) соприкоснулись с русским гением, и предлагаю вам прочесть избранное из его книги «Уединённое»:

* * *

Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...

И всё понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя с иностранцем.

(на улице)

* * *

Боль жизни гораздо могущественнее *интереса к жизни*.
Вот отчего религия всегда будет одолевать *философию*.

(за нумизматикой)

* * *

...Как мне нравится Победоносцев, который на слова: «это вызовет дурные толки в обществе» – остановился и – не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растёр и, ничего не сказав, пошёл дальше. (Рассказ, негодующий, – о нём свящ. Петрова.)

(за нумизматикой)



Константин Петрович Победоносцев

* * *

Малую травку родить – труднее, чем разрушить каменный дом.

* * *

Из «сердца горестных замет»: за много лет в литературной деятельности я замечал, видел, наблюдал из приходо-расходной книжки (по изданиям), по «отзывам в печати», что ед-

ва напишешь что-нибудь насмешливое, злое, разрушающее, убивающее, — как все люди жадно хватаются за книгу, статью. — «И пошло, и пошло»... Но с какою бы любовью, от какого бы чистого сердца вы ни написали книгу или статью с *положительным содержанием*, — это лежит мёртво, и никто не даст себе труда даже развернуть статью, разрезать брошюру, книгу.

— «Не хочется» — *здесь*: «скучно, надоело».

— Да что «надоело»-то? Ведь вы не читали.

— «Всё равно — надоело. Заранее знаем»...

— «Бежим. Ловим. Благодарим», — *там*.

— Да за что «благодарите»-то? Ведь *пало и задавило*, или *падет и задавит*?

— «Всё равно... Весело. Веселее жить». — Любят люди пожар. Любят цирк. Охоту. Даже когда кто-нибудь *тонет* — в сущности, любят смотреть: сбегаются.

Вот в чём дело.

И литература сделалась мне противна.

(за нумизматикой)

* * *

В России вся собственность выросла из «выпросил» или «подарил» или кого-нибудь «обобрал». *Труда* собственности

очень мало. И от этого она не крепка и не уважается.

(Луга – Петербург, вагон)

* * *

Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слёз. И их вечное пререкание – моя жизнь.

(на Троицком мосту)

* * *

Смех не может ничего убить. Смех может только *придавить*.

(о нигилизме)

* * *

Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же её и раздавила. Появилась «техническая душа» – *contradictio in adjecto*. И вдохновение умерло.

(печать и вообще «всё новое»)

* * *

Добчинского, если б он жил в более «граждански-разви-

тую эпоху», – и представить нельзя иначе, как журналистом, или, ещё правильнее – стоящим во главе «литературно-политического» журнала; а Ноздрёв писал бы у него передовицы... Это в тихое время; в бурное – Добчинский бегал бы с прокламациями, а Ноздрёв был бы «за Родичева». И, кто знает, вдвоём не совершили ли бы они переворота. «Не боги горшки обжигают»...

(за нумизматикой)

* * *

Выньте, так сказать, *из самого существа* мира молитву, – сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам её; чтобы я этого *не мог*, люди этого *не могли*; и я с выпученными глазами и ужасным воем выбежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить... Без молитвы – безумие и ужас.

Но это всё понимается, когда плачется... А кто не плачет, не плакал, – как ему это объяснить? Он никогда не поймёт. А ведь много людей, которые никогда не плачут.

Как муж – он не любил жену, как отец – не заботился о детях; жена изменила – он «махнул рукой»; выгнали из школы сына – он обругал школу и отдал в другую. Скажите, что такому «позитивисту» скажет религия? Он пожмёт плечами и улыбнётся.

Да: но он — не *все*.

Позитивизм истинен, нужен и даже вечен: но для определённой *частицы* людей. Позитивизм нужен для «позитивистов»; суть не в «позитивизме», а в «позитивисте»: человек и здесь, как везде — раньше теории.

Да...

Религиозный человек предшествует всякой религии, и «позитивный человек» родился гораздо раньше Огюста Конта.

(за нумизматикой)

* * *

Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярия ли? Или не редакция ли? А церковь старая-старая, и дьячок — «не очень», все с грешком, слабенькие. А *тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно?* Хоронили *тут* мамашу, братцев; похоронят меня; будут тут же жениться дети; все *тут*... Всё *важное*... И вот люди надышали *тепла*.

* * *

Сколько прекрасного встретишь в человеке, где и не ожи-

даешь...

И сколько порочного, — и тоже где не ожидаешь.

(на улице)

* * *

Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. «Пренесносный Щедрин». Но почему-то я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает.

Между тем я бесспорно и презираю русских, до отвращения. Аномалия.

(за нумизматикой)

* * *

С основания мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Наша русская философия вся — философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает соллогубовским зудом: «кого бы мне посечь».

Ницше почтили потому, что он был немец, и притом —

страдающий (болезнь). Но если бы *русский* и *от себя* заговорил в духе: «падающего *ещё толкни*», – его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать.

(По прочтении статьи Перцова «Между старым и новым»)

* * *

Правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и бог начинался бы *не с правды* – он *не* бог, и небо – трясина, и солнце – медная посуда.

(на обороте транспаранта)

* * *

Я ещё не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдёшь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой, – и он именно *мой* день, а не Сократа или Спинозы.

(вагон)

* * *

Даже не знаю, через «Ъ» или через «е» пишется нравственность.

И кто у неё папаша был – не знаю, и кто мамаша, и были ли деточки, и где адрес её – ничегошеньки не знаю.

(о морали; СПб. – Киев, вагон)

* * *

Хочу ли действовать на жизнь? Иметь влияние?

Не особенно.

* * *

Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. «Мне и тут тепло»...

(на извоишке, ночью)

* * *

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек до-

СТОИН ТОЛЬКО ЖАЛОСТИ.

(29 декабря 1911 года)

Евразийская памятка российскому политику

Так уже сложилось, что само слово «евразийство» вызывало и вызывает у людей довольно бурную и противоречивую реакцию. Когда в 1992 году, начитавшись евразийцев Николая Трубецкого и Петра Савицкого, я спросил у академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «А почему бы Российский фонд культуры не переименовать в Евразийский фонд культуры?» – то удивился его реакции. Она была неожиданно резкой и какой-то испуганной. Дмитрий Сергеевич замахал руками: «Вы что, с ума сошли? Это же – Трубецкой! Да не дай Бог!»



Николай Сергеевич Трубецкой

Тогда я, честно говоря, не понял, чем это было вызвано. А теперь начинаю понимать, что «евразийство» – это движение прямо в противоположном направлении от современной европейской цивилизации и культуры. Не с точки бытового обихода, а с точки зрения бытийного отношения к миру и земле, к человеку и Богу...

Примерно тогда же, вернувшись со съёмок картины «Урга», я написал письмо премьер-министру России – Ивану Силаеву. Написал о том, что, по моему мнению, будущее на-

ше лежит на Востоке, в частности в Китае. И поворачиваться нам нужно туда – в ту сторону. Но меня не услышали. Да и как могли меня тогда услышать? И главное – кто? Ну, написал кинорежиссёр о том, что почувствовал и увидел, искренне написал, но и только...

Прошло двадцать с лишним лет – и «восточное ускорение» было придано России самим временем. Всё стало происходить с неизбежной необходимостью. Сама жизнь заставляет нас искать партнёров не только на Западе, но и на Востоке. Сегодня «евразийство» становится очевидным для многих, в том числе и для крупных российских политиков. Публицисты об этом пишут, эксперты обсуждают, книги выходят, газеты и журналы издаются...

Вот, например, журнал «Русская Евразия». Это хорошее крепкое издание. Оно интересно тем, что даёт серьёзную пищу для размышления. В нём печатаются, на мой взгляд, интересные материалы по русской истории и философии. Глубокие экспертные статьи о взаимоотношениях России, Европы и Америки. В 2014 году, в июльском номере этого журнала была опубликована статья Ксении Вермишиной «Украинный синдром». Она, на мой взгляд, столь содержательна и актуальна, что достойна отдельного самостоятельного прочтения и осмысления. И я хотел бы вас с ней ознакомить.

«Евразийство» – это движение прямо в противоположном направлении от современной европейской цивилизации и культуры. Не с точки

бытового обихода, а с точки зрения бытийного отношения к миру и земле, к человеку и Богу...

Итак – «Окраинный синдром».

«Евразийская идеология, ставшая сегодня в России, по сути, главной, была в основном разработана русскими эмигрантами. Причём парадоксальная, на первый взгляд, вещь: из четырёх основоположников евразийства – Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского и Г. В. Флоровского – только первый являлся великороссом. Савицкий и Сувчинский выросли на Украине. Флоровский был одесситом. Сегодня нам интересно, прежде всего, то особое внимание, которое “первые евразийцы” оказывали теме Украины, её роли в становлении русской государственности. Не менее любопытны и их заочные споры.

Евразийцы соглашались друг с другом в том, что Киевская Русь после XIII века была нежизнеспособным государством, и падение Киева являлось исторически неизбежным. К примеру, очень ярко писал об этом в книге “Наследие Чингисхана” Николай Трубецкой.

Тем не менее, эта Русь всегда оставалась для центральной России чрезвычайно важной и нужной, поскольку берегла память об историческом начале русского государства, хранила его святыни, храмы, земли, связанные со скифами и Византией. Воссоединение территорий – дочерней и основной – стало шагом на пути строительства Русской империи, возвышения России и русской культуры.

“В сращении великорусского и украинского культурных стволов – едва ли не основной смысл перелома, который отделяет Русь Московскую от императорской России... Основное империализующее ядро русской империи, великое русское национальное единство создано слиянием Москвы и Украины... Московия выработала крепкую и сильную государственность... Украина, сохранившая в себе даже в тяжёлые моменты «панского» засилья демократический дух... обладала духом сильной и живой культурности”, – писал Пётр Савицкий...

Слияние двух народов, связанных тождеством происхождения, стало шагом на пути создания сверхнационального единства, открыло широкие возможности для внешней экспансии и культурного подъёма, а с присоединением Крыма и Грузии Россия окончательно оформилась как империя.

Имперская государственность порождает разнообразие стилей и форм жизни, множество высокоталантливых личностей. Это выводит страну на международную арену как могучее государство с сильной политикой и богатой культурой.



Пётр Николаевич Савицкий

При этом Савицкий отмечал: с XIX века влияние Украины на русскую культуру резко сократилось, с пробуждением украинского национализма “основной заботой... сделалось отгородиться от своего славного прошлого”, которое есть не что иное, как единая русская культура, совместный творческий проект России и Украины...

Для Украины воссоединение стало несомненным благом, ибо не только спасло целый народ от исчезновения, но и дало возможность развиваться её культурным силам в империи,

что придавало им необходимый размах “большого стиля”.

Анализируя этот сложнейший комплекс проблем, Трубецкой подчёркивал единство общерусской культуры, варианты которой (великорусский и малорусский) должны быть индивидуациями целого, а не отдельными противоположными его частями. Только в теснейшем культурном общении, в признании общности истории, византийского наследия, государственных задач Украина и Россия будут взаимодействовать плодотворно, взаимно обогащаясь.

Читая Трубецкого и Савицкого, можно сделать вывод о том, что воссоединение Малой и Великой Руси без негативных последствий, увы, не обошлось. В чём причина? Тогдашние государственные деятели не разработали гибкую национальную стратегию. Этому помешало, в частности, русское западничество, которому были свойственны страстное отрицание своего исторического наследия и безоговорочное, бездумное преклонение перед Европой. Кроме того, следует помнить, что в состав Московской Руси в семнадцатом столетии вошла только левобережная Украина: Гетманищина (Полтавская и Черниговская губернии) и Слободская Украина (Харьковская губерния).

Правобережная Украина (Киевщина, Волынь, Подолье) была частью Польши до 1793 года и волилась в Российскую империю уже в начале XIX века. То есть драматический разлом внутри Украины приходился на рубеж двух мощных и во многом противоположных цивилизаций: европейской, как

она оформилась после Ренессанса, и русской, имперской, православной.

Для Украины разрыв с Русским миром означает отрицание единой истории, кровного родства, совместных достижений, а выбор европейского пути – тупик культурного развития, который неизбежно обрекает её на участь самой глухой провинции Европы. Та относилась и относится с равнодушным пренебрежением к осколку своего геополитического противника – России. Сознание собственного бессилия порождает всем известный феномен: гнев на Москву, зависть к её успеху в создании самостоятельной государственности и культуры, тщетные попытки доказать неполноценность и ущербность Московской Руси, скрупулёзное собирание фактов, “доказывающих” интеллектуальное и духовное превосходство Украины. Это национальное движение началось уже на излёте XVIII века, с появлением украинской интеллигенции, запустившей миф о “рабской” сущности России и превосходстве вольной Украины.

Ситуация, порождённая комплексом неполноценности и страстью соперничества, описана Трубецким. Он недвусмысленно предупреждал в 1927 году о появлении людей, которые, придя к власти, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русско-го литературного языка, чтение русских книг, знакомство

с русской культурой...

“Придётся ещё внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого...”

Поэтому в этой культуре всё: наука, литература, искусство, философия и т. д. – не будет самоценно, а будет тенденциозно. Это откроет широкую дорогу бездарностям”.

Трубецкой показал механизм образования провинциальной подражательной культуры, порождающей мелкощепетливую личность.

Самое печальное, пожалуй, в том, что эти бездарности подвизались не только в культуре, но и в политике...

Культурный сепаратизм, отрыв от общерусской культуры для Украины губителен, но стремление к самостоятельному бытию при этом огромно, что можно считать главной бедой и неразрешимой антиномией Украины. Трубецкой и Савицкий сходились в том, что украинский национализм свидетельствует о провинциализации духа, утрате чувства единой общерусской задачи, грандиозной по существу и размаху. Это возвращение к исходной позиции XVII века, когда решался вопрос: “Великая Россия или Великая Польша?” Его решение зависело от присоединения Украины.

Поляки тогда не смогли переступить через свой национа-

лизм и обеспечить переход к сверхнациональному культурному синтезу. Национализм украинский есть запоздалая попытка броситься в объятия Польши, которая уже упустила свой исторический шанс на империю.

Национальная проблема, однажды возникнув на политическом горизонте в XIX веке, стала одной из причин мировых войн последующих эпох. В двадцать первом столетии национализм нежданно-негаданно переживает новый виток развития, что ставит перед нашей страной задачу предельно тщательно осмыслить этот феномен.

Россия имеет все шансы выстроить сильное государство, способное достойно защитить собственные национальные интересы, кто бы ему ни противостоял. Если будут учтены уроки русской истории».

«Если будут учтены уроки русской истории»... вот ключевая фраза.

К сожалению, уроки русской истории не учитывались и не учитываются ни прошлыми советскими, ни современными российскими политиками. Наши власти предержавшие страдали и страдают исторической слепотой. При принятии важнейших решений, внешнеполитических и внутривнутриполитических, они всё время «наступают на одни и те же грабли». И мы платим за это – дорогую цену. Причём рассчитывать за их ошибки, как правило, приходится простым людям либо героическим трудом, либо собственными жизнями. Россия и русские люди не заслуживают такого отношения. Мне бы

очень хотелось, чтобы во власть пришли, наконец, не только образованные профессиональные менеджеры, способные управлять «всеми и вся», но воспитанные и просвещённые люди, знающие историю своей страны и любящие свою родину. Таких людей во власти, на мой взгляд, должно быть большинство. И тогда ситуация постепенно начнёт меняться в лучшую сторону. Не сразу, конечно, политические и экономические ошибки были, есть и будут – такова уж грешная человеческая природа, – но их будет гораздо меньше.

К сожалению у уроки русской истории не учитывались и не учитываются ни прошлыми советскими, ни современными российскими политиками.

Дерзаю верить, что опубликованный выше текст может послужить для людей, находящихся во власти, «евразийской памяткой» и верным ориентиром в бурном мире российской внешней и внутренней политики.

Казачий поэт Николай Туроверов

Николай Туроверов...

Российский фонд культуры открыл это имя для современных русских читателей. Первая книга Николая Туроверова, составленная моим коллегой по Фонду культуры – Виктором Леонидовым, вышла в свет в России в 1999 году. Она называется: «Двадцатый год. Прощай, Россия!» Сейчас – это библиографическая редкость.

Тогда, обращаясь к читателям, я написал следующее:

«С волнением и радостью представляю вам книгу стихов и прозы одного из самых значительных русских поэтов XX века Николая Николаевича Туроверова. Его имя долгие годы находилось под запретом. Человек, чьи стихи тысячи людей переписывали от руки, поэт, сумевший выразить трагедию миллионов русских участников Белого движения и всю тяжесть вынужденного изгнания, был почти неизвестен на своей Родине, которую так любил. Воспевший красоту Донских земель, казачью историю и традиции, он 53 года из 73 лет прожил во Франции и никогда не увидел родных станиц... Кроме стихов, которыми поэт согрел столько душ, он очень много сделал для спасения реликвий русской военной истории. Именно с его участием было вывезено в Европу собрание Лейб-гвардии Атаманского его Императорского Высочества наследника Цесаревича Полка, именно он стал органи-

затормозило многочисленных русских исторических и военных обществ».

Такие люди, как Туроверов, не давали забыть на чужой земле русским людям, их детям и внукам – кто они и откуда родом. Его творчество очень нужно нам и сейчас, сегодня, в непростые для России времена. Потому что Туроверов явил пример конкретных дел в самые трудные моменты истории. Воин, поэт, исследователь, собиратель исторических раритетов – всё слилось в нём, ставшем одной из самых ярких фигур в нашей культуре.

Выход этой книги очень важен для Российского фонда культуры. Более десяти лет мы занимаемся возвращением наследия русского зарубежья, потому что русская культура едина и стихи, написанные по-русски, остаются русскими, где бы они ни были написаны. И то, что у российских читателей теперь есть возможность взять в руки книгу этого замечательного поэта, – наше большое достижение. И наш подарок всем, кому дорога русская литература и история...»

Это поэт, который сумел дух Гражданской войны передать с такой силой и ясностью, что для нас, когда мы снимали «Солнечный удар», это стало неким камертоном. Русским камертоном – по которому мы все себя настраивали.

Николай Туроверов – 1899 года рождения. И стихи его, создававшиеся и публиковавшиеся во Франции в 1920–1930-е годы, отражают взгляд «издалека» на трагическое

русское революционное время. Это отличает его от Ивана Бунина, который писал «Окаянные дни» прямо – здесь и сейчас: вот я пришёл домой и видел то-то и то-то... У Туровева же – существует дистанция, некоторое временное отстранение.

Но это – поэт!

У него нет ни одного пустого или лишнего слова. Это поэт, который сумел дух гражданской войны передать с такой силой и ясностью, что для нас, когда мы снимали «Солнечный удар», это стало неким камертоном. Русским камертоном – по которому мы все себя настраивали.



Казачий поэт Николай Тuroверов

Давайте прочтём несколько стихотворений Николая Туроверова:

* * *

Клубятся вихри – призрачные птицы.

Июльский день. В мажарах казаки.
Склонились по ветру будяки
На круглой крыше каменной гробницы.
Струится зной. Уходят вереницы
Далёких гор. Маячат тополя,
А казаки поют, что где-то есть поля,
И косяки кобыл, и вольные станицы.

1920

Снег

Моему брату

Ты говоришь: – Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжёлый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;
Но всех роднят напевы выюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе.
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.
Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней, —

Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.
Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность —
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

1924

Прабабка

Мы плохо предков своих знали,
Жизнь на Дону была глуха,
Когда прабабка в лучшей шали,
Невозмутима и строга,
Надев жемчужные подвески,
Уселась в кресло напоказ, —
И зрел её в достойном блеске
Старочеркасский богомаз.
О, как старательно и чисто
Писал он смуглое лицо,
И цареградские мониста,
И с аметистами кольцо;
И шали блеклые розаны
Под кистью ярко расцвели,
Забыв полуденные страны
Для этой северной земли.

...А ветер в поле гнал туманы,
К дождю кричали петухи,
Росли на улице бурьяны
И лебеда и лопухи;
Паслись на площади телята
И к Дону шумною гурьбой
Шли босоногие ребята,
Ведя коней на водопой;
На берегу сушились сети;
Качал баркасы тёмный Дон;
Нёс по низовью влажный ветер
Собора скудный перезвон;
Кружились по ветру вороны,
Садясь на мокрые плетни;
Кизячный дым под перезвоны
Кадили щедро курени;
Казак, чекмень в грязи запачкав,
Гнал через лужи жеребца,
И чернобровая казачка
Глядела вслед ему с крыльца.

1929

Внешне история жизни Николая Туроверова довольно проста. Он уходил из Крыма. Он прошёл «Ледяной поход» с генералом Алексеевым. «Ледяной поход» через донские степи в Крым. Этим трагическим страницам казачества посвящены многие его пронзительные стихи...

Тема «Ледяного похода» лично для меня ещё ждёт сво-

его художественного воплощения... Частично я уже её коснулся. На РТР было снято 14 серий документального сериала «Русские без России» – об исходе Белого движения. Там есть сцены невероятные. Кони, которые выносили из боёв казаков, тычутся мордами в ворота их усадеб. И последнее, что делали казаки, когда уходили, – вспарывали соломенные матрасы, чтобы хоть чем-то накормить лошадей...

Казачество...

История казачества, отношение к казачеству – это большой отдельный интересный разговор. К слову, есть замечательная книга – «История Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества Полка». В ней много иллюстраций. Одна из них – иностранная карикатура. На ней мчится французский кирасир; причём он с пистолетом, он вооружён, он на прекрасном коне, а навстречу ему – заросший бородой казак с пикой, на каком-то бешеном неуправляемом коне. За спиной у него лук. Что-то дикое, злое и непотребное...

Вообще это очень показательное отношение европейцев как к русскому казачеству, так и к русскому воинству до того момента, пока это войско и это казачество не доказывало им совершенно обратное. И не с помощью книжной карикатуры, а на деле – в бою.

Был ещё один замечательный случай, когда казаки переправлялись через реку во время Отечественной войны 1812 года. Во время переправы они сняли с себя мундиры, потому что неудобно в мундирах переправляться (в мокром –

много не навоюешь). И когда они переправлялись через реку, сняв с себя мундиры, то совершенно неожиданно попали навстречу подошедшему к берегу авангарду французских войск. И тогда эти казаки, мгновенно, как были, в чём мать родила, вскочили в сёдла, успев только – кто шашку выхватить, а кто просто палку схватить. И эти голые казаки (армадой!) опрокинули и погнали отлично вооружённых и экипированных, готовых к бою французов. Они гнали их – потому что приняли решение лихо и сразу. Нет вопроса – на коня и вперёд!

И в этом было всё казачество.

Или, скажем, знаменитая история, когда три императора – русский, прусский и австрийский – вместе наблюдали за ходом боя. И французская конница чуть не захватила их в плен, не захватила – потому что донские казаки (численностью в три раза меньшей, чем французы) отчаянным броском отбили своих императоров. Если бы этого не случилось, то вообще вся история могла бы повернуться по-другому, и бог знает, чем бы это всё закончилось. Поэтому 17 октября (день битвы под Лейпцигом) стало полковым праздником лейб-казаков.

Но вот пришёл век двадцатый. И наступившие после революций 1917 года бессудные расстрелы, грабежи, насилие и бесправие окунули казачество в пучину Гражданской войны.

Казаки какое-то время надеялись остаться вне этой свары, предполагая, что – «будь здоров царь в Москве... а мы, каза-

ки, здесь на Дону как-нибудь перекантуемся». Но не вышло. Потому что казачество само по себе уж слишком самобытная сила. Сила нутряная, коренная для России. И когда такой передел навалился на страну, казачество просто не смогло остаться в стороне.

Всё это привело к ужасающим кровопролитиям. При выселении терских станиц – с такими знакомыми названиями, как Калиновская, Ермоловская, Михайловская, Романовская – они сразу же переименовывались в сёла. Революционные горцы истребили более тридцати пяти тысяч мирных жителей – стариков, женщин, детей. И произошло страшное – казаки стали на своей земле этническим меньшинством.

Думаю, что никому не надо объяснять, к чему всё это в итоге привело...

До революции казачье войско насчитывало около шести миллионов человек. Только на Дону проживало около трёх с половиной миллионов. Первая мировая война и, в особенности, Гражданская кардинальным образом сократили количество казаков. До 60 % было сокращено казачество на Дону и до 75 % в других казачьих регионах. В местах традиционного проживания уральского казачества казаков осталось в некоторых местах до 10 %. Но это ещё была не вся беда. Это было начало. С 1920-х годов на страну навалилась коллективизация. Начались расстрелы, изгнание, репрессии, и казачество действительно оказалось на пороге полного уни-

чтожения.

Это был геноцид...

При этом гонители казачества – большевики – отличались удивительной способностью, я бы сказал талантом, фальсификации. Есть одна статья, в которой о казачестве говорится буквально следующее: «У него нет заслуг перед русским народом и государством»! Это у тех, кто ещё в долетописные времена охранял границы Руси? Это у тех, чьи предки присоединяли к России сибирские земли? Это у тех, кто во главе с атаманом Трубецким приняли прямое участие в избрании царя Михаила Фёдоровича Романова?

Или ещё одна характеристика: «Не отличались способностями к полезным боевым действиям»?! Великий Наполеон предпочитал казачье седло. Император Наполеон, изумлённый этой фантастической атакой, лавой казачьей, которая сметала всё на своём пути, приказывал своим маршалам изучать эту атаку. Но, как говорится, что русскому хорошо, то немцу смерть (хотя и о французах речь). Это ведь воспитывалось с молоком матери. Для этого нужно было родиться в степи и дышать степным воздухом, ковылём, ветром, жить вместе с табунами для того, чтобы познать, что такое упоеание в бою, в атаке лавой. Научиться этому за партой было невозможно...

Я думаю, что здесь особая культура. Казачья культура, в которой не только казачьи песни, казачий круг, пляски, сабля, нагайка... Нет, в ней есть настоящее, корневое, живое.

Это образ жизни народа, а не просто внешняя форма выражения.



Николай Николаевич Туроверов

Но вернёмся к Туроверову.

Он служил во врангелевских войсках. Когда Врангель отступил в Сербию, то Туроверов начал работать там мукомолом и грузчиком. Потом перебрался в Париж. Учился в Сорбонне, по вечерам разгружал вагоны... А в 1939 году ушёл с Иностранным легионом в Африку.

Вдумайтесь, ведь это потрясающе! Первая мировая война, Гражданская война – кровавая и кровная! А тут – наёмная война в Иностранном легионе. Но для Туроверова война – это бой, драйв, адреналин. Он был так воспитан с молодых ногтей. Казачья кровь! И боевой дух, который впитал он с молоком матери, превратился для него в профессию, в ремесло.

Но «настоящей работой», жизненно важным и родным для него стало совсем иное...

* * *

Ах, Боже мой, жара какая,
Какая знойная сухмень!
Собака, будто неживая,
Лежит в тени; но что за тень
В степи от маленькой кислицы?
И я, под сенью деревца,
В рубахе выцветшего ситца,
Смотрю на спящего отца.
И жаркий блеск его двухстволки,
И жёлтой кожи патронташ,
И кровь, и перья перепёлки,
Небрежно брошенной в ягдташ, —
Весь этот день, такой горячий,
И солнца нестерпимый свет,

Запомню с жадностью ребячей
Своих восьми неполных лет,
Запомню, сам того не зная,
И буду помнить до конца.
О, степь от зноя голубая,
О, профиль спящего отца!

1930

Какая здесь сразу чувствуется печаль, печаль утраты! Вообще вся эмигрантская литература наполнена ощущением потерянной Родины. Ощущением невыносимым без трагического изгнания, без сирой чужбины. Наверное, Туроверов смог бы написать стихи про спящего отца, вспоминая его, сидя у себя в Старочеркасске, в своём родовом доме... Но в эмиграции – это был не просто ушедший отец, нет, это была утрата отцовства. Всего того, что делало и делает казака тем, кем он есть и был.

Потеря Родины...

Таким образом заканчивается стихотворный цикл- воспоминание Туроверова о детской жизни, и начинаются стихи, связанные с Гражданской войной.

* * *

Не выдаст моя кобылица,

Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.
Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где-то правее – Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной – за Россию – поход.

1931

1918 год. Туроверову девятнадцать лет. По нашим сегодняшним понятиям он ещё мальчишка. Но сколько боли уже прошло через его сердце!

* * *

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскалённой крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине.
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие, я выцарапал на скале:
Двадцатый год – прощай, Россия!

1920

* * *

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,

Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

1940

Исход...

Это было страшно, больно и унижительно. Вот так вот — на переполненных кораблях вместе с гражданскими, штатскими, чиновниками — плечом к плечу, спина к спине, лицом к лицу... На кренящихся на бок посудинах уходить куда глаза глядят, забрав с собой: «две рубашки и носовой платок». Такой исход — для офицера, для казака — насколько это мучительно, унижительно, страшно...

Именно это ощущение возникает, когда читаешь потрясающие стихи Туроверова.

* * *

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,

Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такою осталась
Тетива наших душ навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.
И, прощаясь с Россией навеки,
Я постиг, я запомнил навек
Неподвижность толпы на спардеке,
Эти слёзы у дрогнувших век.

1926

«Тишина переполненных палуб»...

Сравните это с лёгкими, бегущими волнами за белым пароходом на Волге в мирное время: солнечный день, дети, матроски, лёгкие платья, кружевные зонтики, блаженная праздность; лицо, подставленное солнцу... А здесь – гнетущая тишина, люди, стоящие не шевелясь на накренившихся кораблях и пароходах...

Тишина – как натянутый лук. Какой гениальный и страшный образ!..

Снимая «Солнечный удар», мы пытались эту страшную тишину, этот натянутый лук, эту растерянность передать в кадре, когда белые офицеры, казаки ждут, застыли перед гнетущей неизвестностью, пытаются сохранить собственное достоинство. Хотя достоинство уже потеряно – ведь они сре-

зали свои погоны... Унизительное и страшное ощущение: может быть, будут помилованы теми, с кем они недавно дрались и кого они презирали...

Вспомните туроверовское же – «Блеск тусклых погон на детских плечах». Другая тональность, другое восприятие...

«Не выдаст моя кобылица». Этот горячий, заинтересованный и полный азарта, очень заинтересованный голос. Ты отстаиваешь свои идеалы, свою Родину, так как ты её понимаешь, и дерёшься со своими братьями, с теми, кто понимает всё по-другому. Это самое страшное, что может быть вообще. Страшное и неизбывное, чему нет конца и срока давности, что не зарастает и не затягивается, и болит десятилетиями... Эта пропасть если не навсегда, то на очень долгие годы. Самая кровопролитная и жестокая война – это война Гражданская.

А теперь давайте прислушаемся к совершенно иной интонации Николая Туверова.

* * *

Князю Н. Н. Оболенскому.

Нам всё равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне
Ни жалости, ни состраданья.

Вести учёт: в каком году, —
Для нас ненужная обуза;
И вот, в пустыне, как в аду,
Идём на возмущённых друзов.
Семнадцативековый срок
Прошёл, не торопясь, по миру;
Всё так же небо и песок
Глядят беспечно на Пальмиру,
Среди разрушенных колонн.
Но уцелевшие колонны,
Наш Иностранный легион —
Наследник римских легионов.

1940–1945

Это уже из цикла «Легион».

Какая усталость здесь слышится. Усталость профессионального воина, «солдата удачи», того, кто сражается за... деньги. Или за зарплату. Безразлично. Он сам пишет прямо об этом: «Нам всё равно, в какой стране//Сметать народное восстание...» Отстранение и отстранённость. Как это не похоже на те стихи, что мы читали выше, где всё дышит личностным отношением.

* * *

Умирал марокканский сирокко,
Насыпая последний бурхан;
Загоралась звезда одиноко,
На восток уходил караван.
А мы пили и больше молчали
У костра при неверном огне,
Нам казалось, что нас вспоминали
И жалели в далёкой стране,
Нам казалось: звенели мониста
За палаткой, где было темно...
И мы звали тогда гармониста
И полней наливали вино.
Он играл нам, – простой итальянец,
Что теперь мы забыты судьбой
И что каждый из нас иностранец,
Но навеки друг другу родной,
И никто нас уже не жалеет,
И родная страна далека,
И тоску нашу ветер развеет,
Как развеял вчера облака,
И у каждого путь одинаков
В этом выжженном Богом краю:
Беззаботная жизнь бивуаков,
Бесшабашная гибель в бою.
И мы с жизнью прощались заранее
И Господь все грехи нам прощал...
Так играть, как играл Фабиани,
В Легионе никто не играл.

1940–1945

А вот ещё стихотворение Николая Туроверова из цикла «Легион» – много говорящее, чувственное, полное эротичности, хотя об эротике – нет ни слова.

* * *

Она стояла у колодца,
Смотрела молча на меня,
Ждала, пока мой конь напьётся,
Потом погладила коня;
Дала ему каких-то зёрен
(Я видел только блеск колец),
И стал послушен и покорен
Мой варварийский жеребец.
Что мне до этой бедуинки,
Её пустынной красоты?
Она дала мне из корзинки
Понюхать смятые цветы.
О, этот жест простой и ловкий!
Я помню горечь на устах,
Да синеву татуировки
На тёмно-бронзовых ногах.

1940–1945

Всё здесь есть. Всё! И ничего – впрямую!
Мы понимаем, как и где можно увидеть «синеву татуиров-

ки на тёмно-бронзовых ногах». И это – «Дала ему каких-то зёрен//(Я видел только блеск колец)». Такой мужской, хищный и в то же время пресытившийся взгляд. Понимание того, что всё это – твоё. Тебе не нужно добиваться, не нужно завоёвывать. Это – твоё.

Абсолютно всё в поэзии Туроверова связано с состоянием души.

И ещё. О драматургии Николая Туроверова. Я не имею в виду пьесы. Он пьес не писал. Я говорю о внутренней драматургии его стихотворения. Посмотрите, как одной фразой он поднимает невероятно эмоциональный и чувственный вопрос, который тут же запечатлевает время, выражает трагедию момента. А ведь начиналось всё как обычно, как «простое» лирическое стихотворение:

* * *

Я знаю, не будет иначе.
Всему свой черёд и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,

Что здесь мне нельзя ночевать
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.

1930

Абсолютно всё в поэзии Туроверова связи не с состоянием души.

Из тихого лирического начала вырастает эпическая трагедия.

«Меня не узнавшая мать»... Господи, неужели всё, что со мной произошло, так изменило меня, что меня не узнаёт родная мать. Вся трагедия жизненного пути здесь, весь его итог...

К чему пришёл Туроверов в 1944 году?

Грохотала мировая война. Никто из друзей Туроверова, ни он сам – не пошли воевать с Красной армией. Произошло переосмысление того, что было двадцать лет назад. И поэт приходит к пониманию того, что кровь всех братьев, белых и красных, пролитая на Гражданской русская кровь, была пролита бессмысленно. Жертвы оказались напрасными.

В стихотворении «Товарищ» это особенно остро чувствуется:

* * *

Перегорит костёр и перетлеет, —
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, – не мученьями, страданиями и кровью —
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою – товарищ,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за отчизну умереть?

1944

Какое прозрение!

Поэт обращается к тому, кто его прогнал с род- ной земли.
Он обращается к «врагу под кличкою товарищ». К тому —
кого ненавидел он и кто ненавидел его...

Я думаю, что всем нам ещё предстоит понять — какое

место занимает поэт Николай Туруверов в Русском мире и сколь значимо сегодняшнее возвращение Крыма в Россию.

Да, невозможно уцелеть целому, если оно разделено внутри себя. Именно об этом мы и снимали картину «Солнечный удар», премьера которой состоялась в 2014 году – в Сербии и в Крыму.

В Крыму, куда не суждено было вернуться Николаю Туруверову и тысячам его однополчан, друзей, спутников при земной жизни... Но, в конечном счёте, и суждено – через преодолевающее время и пространство туруверовское слово: «Уходили мы из Крыма, среди дыма и огня»...

Уходили навеки, навсегда, не чая вернуться на Родину, в Россию.

Но пришло время – и сам Крым вернулся в Россию.

Я думаю, что всем нам ещё предстоит понять – какое место занимает поэт Николай Туруверов в Русском мире и сколь значимо сегодняшнее возвращение Крыма в Россию.



Часть вторая Россия и русский мир

О России



«Разве можно говорить о ней? Она – как живая тайна, её можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая её, блюсти её в себе; и благодарить Творца за это счастье и молчать...

Но о дарах её; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей ду-ши; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине».

Так завещал Иван Ильин.

Попробую и я, следуя его завету, рассказать вам о России.

И начну я мой рассказ с кино. Картина «Раба любви»... Режиссёр, которого играет Александр Калягин, разговаривает с продюсером, которого играет Олег Басилашвили. Идёт Гражданская война, идут съёмки – картина не ладится, жизнь не ладится, уже ощущаем распад старого мира, который как воздух был всегда рядом – а когда он рядом, то его не замечаешь, а вот когда его не стало, без него невозможно. Эта невозможность жить и заниматься творчеством без любви, без России, без Русского мира, трагически переживается героями картины. Они хандрят, унывают... и вдруг, в секунду, – «оживают». Их лица озаряет улыбка, когда Басилашвили, вспоминая их прежние фильмы, обращаясь к Калягину, произносит: «Вы помните – средняя полоса России...»

Достоевский сказал: «Русский человек без веры – не человек». Он сказал это более жёстко у он сказал – животное... Скажем мягче – не человек.

Эти три слова, сказанные одним русским человеком другому русскому человеку, всё сразу объясняют. Всё становится простым и понятным. И души их обретают душевное равновесие и покой.

Они у себя – дома...

Так и мы с Лёшей Артемьевым (замечательным русским композитором, написавшим музыку почти ко всем моим картинам) однажды ехали на машине домой и... затормозили, вышли на берег реки, граничащей с полем и лесом, остановились, посмотрели друг на друга и, не сказав ни слова, – вдруг заплакали; вот она, Россия, – наша Родина.

Что же ты такое – Россия?

Языков как-то сказал: что русскому – здорово, немцу – смерть. И дело не в том, что мы лучше. Нет. Просто мы – другие. И слава Богу! Значит, мы можем быть интересны друг другу. Мы разные, значит, мы можем общаться, дружить и даже полюбить друг друга.



Берег Волги в районе города Тверь.

Фотография С.М. Прокудина-Горского, 1910 г.

Русский человек... Какой он?

Достоевский сказал: «Русский человек без веры – не человек». Он сказал это более жёстко, он сказал – животное... Скажем мягче – не человек.

В Германии, например, вполне можно прожить без Бога, потому что в Германии богом всегда был Закон, а в России – нет, потому что законом в ней всегда был Бог. Да и не любит русский человек законов, написанных для него другим русским человеком, а тем более – не русским. Вот открывает он утром газету, а там – бац! – новый закон... И первая мысль – ну опять меня накалывают, не может же быть, чтобы этот

закон на меня работал, чтобы он был хорошим.

Скучно русскому человеку по закону жить – ни украсть, ни покараулить! Поэтому и ходят на Руси поговорки: «Закон, что дышло...» Русский человек понимает: закон не перепрыгнешь, а вот обойти его можно... и нужно. И тут же ищет, как обойти..

Закон в России без веры – филькина грамота!

Я вывел для себя формулу русского человека, которую нигде в мире понять не могут... Правда, там есть одно неприличное слово, но оно к месту, ничего не поделаешь... Так вот: «Русским может быть только тот, у которого чего-нибудь нет, но не так нет, чтобы обязательно было, а нет – и хер с ним!»

«Хотите пять рублей?» – «Давай!» – «Но тогда вам придётся сделать то-то и то-то». – «Не-е-е, раз так, то мне ничего не надо...»

Закон в России без веры – филькина грамота!

Мне кажется, всё это потому, что для русского человека внешние проявления жизни имеют намного меньшее значение, чем внутренние. За границей – наоборот. Во Франции, например, можно нахамить человеку, но если это делается с улыбкой, то и оскорбляться необязательно.

Вообще об улыбке – это интересно. Сколько раз за границей, особенно во время первых поездок, я покупался на эту видимую приветливость. Но улыбка там ничего не стоит – это способ общения и... отчуждения. Для нас же улыбка зна-

чит многое. Русский на улыбку летит как бабочка на огонь, а натывается на стеклянную стену...

Русскому человеку чрезвычайно важно, чтобы его «коснулись рукой», рюмку с ним выпили, поговорили «ни о чём» или просто помолчали вместе. Это желание как угодно можно называть – патриархальностью, отсталостью, можно над этим иронизировать, но... мы такие.

И ещё – русский человек никогда не будет работать только за деньги без какого-то смысла. Он хочет, чтобы ему не только хорошо платили, он хочет любить тех, кто ему платит, а если он их не любит, то скажет: «Вы что, хотите, чтобы я ещё и вкалывал на ваши вонючие деньги?»

Русский человек может вкалывать как никто. Но – только со смыслом! Помните, у Достоевского каторжников заставляли переносить брёвна в одну сторону, потом в другую. Когда они узнали, что это просто для того, чтобы носить брёвна, отказались. Вот если бы это делалось, чтобы построить гильотину для них же, тюрьму для них же или дыбу – если бы это имело смысл, они бы это сделали. Поэтому русскому человеку мало предложить деньги, ему надо иметь идею, иначе он потеряет силу – рабочую и жизненную.

Русский человек может вкалывать как никто. Но – только со смыслом!

Я часто слышал и слышу фразу: вот, дескать, Россия по сравнению с цивилизованными государствами... Да что же это за диво такое «цивилизованные государства»? И почему

надо обязательно сравнивать Россию с Италией или Голландией? У России свой путь, совершенно особый. Россия была аграрной страной, с мощнейшим крестьянством, со своими традициями, со своей культурой. С мощнейшим купечеством, которое поднимало экономику, и поддерживало государственность, и было тем самым балансиром, что уравнивал правых и левых. И развитие капитализма в России шло, да и сейчас идёт совершенно другим путём, чем в Европе и Америке... Да и социализм в России был совершенно другой, нежели в той же Польше или бывшей Чехословакии...

Всем, кто хочет Россию понять и полюбить, следует осознать, что Россия – это не Европа и не Азия. Россия – самобытный культурно-географический материк-континент, называемый Евразией.

Россия другая!

Здесь всё перемешано, всё стократно увеличено – красота, нежность, глупость, коварство, наивность, разврат... Западный мир, постоянно озабоченный демократическими переменами в России, забывает о том, что двести семьдесят лет Россия держала на себе татаро-монгольскую Орду. Если бы двести семьдесят лет Россия не держала на себе Орду, то Микеланджело был бы скуластым и узкоглазым, а в Италии говорили бы сегодня на совсем другом языке.

И это – тоже Россия...

Всем, кто хочет Россию понять и полюбить, следует осо-

знать, что Россия – это не Европа и не Азия. Россия – самобытный культурно-географический материк-континент, называемый Евразией. Россия-Евразия – это центр мира, который органично впитывает и перерабатывает в себе западную культуру и восточную традицию, не теряя при этом собственного своеобразия. Именно здесь пересекаются цивилизация и культура. Западная цивилизация здравого смысла и созерцательная культура Востока. В России как в котле перемешиваются: вероисповедания, цвет кожи, разрез глаз, обычаи, традиции...

Мои зрители, памятуя, что я снял картину «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова», часто меня спрашивают: кто нужен России больше из героев романа Гончарова – Штольц, отождествляемый с западной цивилизацией, или Обломов, представляющий русскую культуру?

Подлинная Россия является миру именно тогда, когда сила в ней умножается на мудрость, а когда ставка делается только на ум и власть, то миру является Россия мнимая, И от этого – всем нам становится только хуже, Россия... Россия – это состояние души. Постарайтесь это понять,.

Штольц, конечно же, России нужен. Это такой русский ответ на европейский призыв к реформам. Но ведь Россия парадоксальная страна. Знаете, у женщины есть то самое сокровенное место, где плод вызревает. Так вот – это как раз то место, которое в России занимает Илья Ильич Обломов.

Со всеми дурными сторонами характера он в определённом смысле – хранитель нашего генетического кода, веками передающегося из поколения в поколение. Я понимаю, что сегодня России больше нужен Штольц, но люблю я – Обломова.

Русский философ Иван Ильин как-то сказал: «Обыватель ценит ум и власть, но ненавидит мудрость и силу». Это гениальные слова.

Власть может быть подлой, ум – коварным. Сила – это здоровье, умноженная на мудрость – эта мудрая сила; она не обидит слабого и обуздает сильного, чтобы не допустить зла...

Подлинная Россия является миру именно тогда, когда сила в ней умножается на мудрость, а когда ставка делается только на ум и власть, то миру является Россия мнимая. И от этого всем нам становится только хуже.

Россия... Россия – это состояние души. Постарайтесь это понять...

Российская провинция

«Россия произрастает провинцией», – считал Н. М. Карамзин. «В России центр на периферии», – вторил ему В. О. Ключевский. Наверное, неспроста наши великие историки так считали, и не на пустом месте делали они свои выводы.

Провинция – это самое дорогое, что есть у России...

Мы возвращались из Нижнего Новгорода. Ночь. Поздно. И мы проезжаем Печерский Вознесенский монастырь. Я говорю: «Давай заедем!» Время – одиннадцать часов вечера. С заходом солнца любой православный монастырь закрывается. Но мы туда поехали. Приехали, постучали. Я назвал-ся, попросил открыть. И нас пустили! Незнакомый мне отец-игумен дал нам приложиться к открытым мощам – главе преподобного Макария Желтоводского. И потом мы уехали...

С этим для меня ничто не может сравниться – никакие мирские радости или высокие оценки моего творчества, – ничто не способно встать рядом с «этим» – приехать в любой русский монастырь, и тебе откроют дверь...

Всё. Точка. Понимаете?

Этот игумен ведь лично меня не знал, он отнёсся ко мне не как к артисту Никите Михалкову, а просто как к православному человеку, тому, кто попытался почувствовать святое и сокровенное, то, чем живёт дух русского монастыря. Я прекрасно понимаю, как далеко мне до духовной красоты

и чистоты православного монашества. Но я чувствую силу и значение их земного и небесного подвига...

Вот «это» – по глубинному человеческому счёту – абсолютно стирает всё то, что может тебя раздражать, мешать или ущемлять в суете городской жизни. Когда ты понимаешь, что люди, никак от тебя не зависящие и никак с тобой внешне не связанные, проявляют такое доверие и ночью открывают для тебя монастырь! То, сами понимаете, это дорогого стоит...

Провинция – это самое дорогое, что есть у России...

Я не люблю московскую тусовку, которая бурно и торопливо живёт внутри Садового кольца. Но когда ты испытываешь то, что испытал я в Печерском Вознесенском монастыре, то всё это вообще перестаёт иметь какое бы то ни было значение. И это не сентиментальность, а сокровенное состояние души, которое называется русской любовью. Это то, что каждое воскресенье объединяет всех нас Божественной литургией, под куполом единого храма – духовного купола нации. Это то, что называется и является русской семьёй в национальном её значении и смысле.

Мне довелось по съёмочным делам два месяца провести в Костроме, побывать в Ярославле, Плесе, Андропове. И я хочу вам признаться, что мне не приходилось ранее испытать такого чувства, с каким прожил я эти шестьдесят с лишним дней. Я был счастлив. Я ощутил себя частицей русских просторов и русского покоя. Один местный человек (с которым

мы стояли тогда на набережной) сказал мне: «А это – наша Волга»... Сказал «наша», а прозвучало – «моя»!

И мне стало завидно.

Возможно, моё настроение объясняется тем, что я был на земле моих предков. В той точке на обширной географической карте нашей великой страны, что именуется малой родиной. С годами родные корни притягивают человека к себе со всё возрастающей силой...

Я, конечно же, вернулся в Москву, нырнул в бездну суеты, но у меня осталась светлая надежда, что есть место на Русской земле, где я всегда могу утешиться, подлечить душу, что есть на белом свете «моя земля», которая заинтересована во мне, как и я кровно заинтересован в ней.

А малые города России... Их надо возрождать! Но настоящая помощь возрождению малых городов может выразиться только в личном участии каждого из нас. Вся страна и каждый из нас – только так мы можем этому помочь.

Вместе с тем, понимая и разделяя боль русского человека по поводу вымирания малых городов, не могу не отметить: их возрождение принимает иногда гротескные формы. Бывает что-то невероятное: некий купец, в некоем городе, на свои деньги поставил памятник Александру Невскому. Мало того, что он поставил памятник Александру Невскому, он ещё договорился с военными лётчиками, и те (во время открытия этого памятника) пролетели эскадрилей истребителей так, что образовали в полёте крест. При этом они запус-

кали ракеты. Это было апокалиптическое зрелище...

Разве это не драматургия Островского?

Хотя главное, наверное, всё же не это, а само желание человека (пусть оно чрезмерное, безвкусное, пусть какое угодно) – установить на своей родной земле памятник святому благоверному князю, а не открыть очередной коммерческий ларёк...

Нам всем следует, наконец, понять, что и политика, и история, и будущее нашей страны рождаются не в Москве и Санкт-Петербурге, а в российской провинции.

И так было всегда.

Возьмём культуру России. Лучшие её представители рождались не в «столицах», а в глубинке – подмосковной и ярославской, в Орле, Ельце... Скажу так, что не было бы ни великой русской литературы, ни русской живописи, не будь этой самой российской провинции.

Россия поднимается с провинции.

Поднятие культурного пласта провинции, её местной и региональной мощи – вот главная государственная и общественная забота сегодня.

Более того – если осталось сегодня настоящее, здоровое зерно истиной русской жизни, то сохранено оно и прорастает – с трудом, но прорастает – опять же в российской провинции.

И всё надо делать нам у себя в провинции самим! Из этого понимания и возникает, на мой взгляд, та национальная

идея, которая есть в любом серьёзном, уважающем себя государстве.

И заметьте – рождение русской национальной идеи сейчас возможно именно и только в российской провинции.

Россия поднимается с провинции.

Поднятие культурного пласта провинции, её местной и региональной мощи – вот главная государственная и общественная забота сегодня.

В российской глубинке, в провинции люди ещё не утратили веры в Бога, в традиционные идеалы и ценности. Они далеки от политической конъюнктуры и заботятся о будущем нашей культуры. Россия начинается не с Красной площади, не с чиновничьих московских зданий, а с ежедневного самоотверженного труда сельских учителей и библиотекарей, с мастерских художников и ремесленников в небольших городках, с далёких от тусовочной суеты провинциальных оркестров и театров.

Для меня будущее России – это только русская провинция. В ней надежда, ничего другого нет.

Москва делает свою политику, русская провинция создаёт подлинную Россию. И взоры наши должны быть обращены не к центру, а в глубь России. Там – свет и чистота, там народные силы, оттуда начинается возрождение, как трава прорастает сквозь асфальт.

В провинции уже сегодня из десяти человек – трое с осмысленным взглядом... С осмысленным взглядом, – а не

с мыслью, чего бы кому-нибудь продать, – с духовно-осмысленным.

Пушкин жил в Михайловском. Лесков – под Орлом. Толстой – в Ясной Поляне... Они хорошо и спокойно жили у себя дома. И делали русскую культуру каждый на своём месте. Им не нужно было организовываться и собираться в Союзе писателей и выбирать Правление.

Каждый из них занимался своим делом. А это возможно тогда, когда малая родина для тебя полноценна и полнокровна.

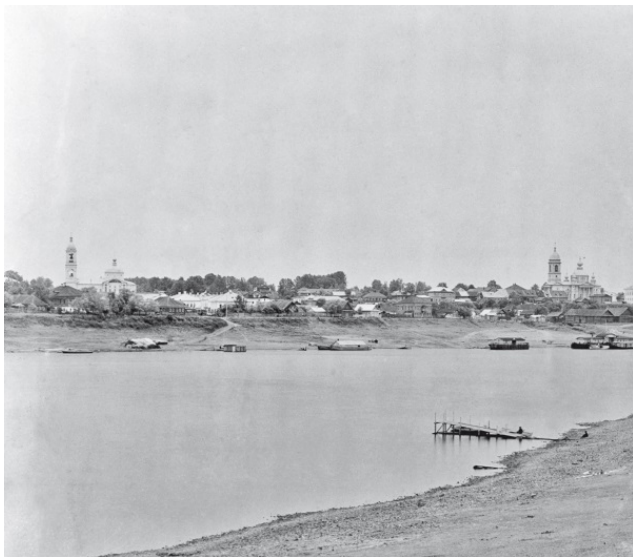
Напротив Ростова Великого в селе Рыбачьем купцы построили колокольню на четыре метра выше колокольни Ивана Великого. Не для того чтобы Москву удивить, а чтобы возвеличить своё, местное.

В Кяхте (не многие нынче знают, что Кяхта находится на границе с Китаем) чаёвники, русские купцы, построили храм, который полностью воспроизводил Исаакиевский собор, с хрустальными колоннами. Они строили его с ощущением – это моя Родина, храм здесь будет стоять...

Для меня будущее России – это только русская провинция. В ней надежда, ничего другого нет. Для этого сегодня жителям российской глубинки необходимо возродить и обрести чувство собственного достоинства и понять, что провинция – это всего лишь отдалённость от центра, и больше ничего. Толкование слов провинция, провинциал, звучащее в уничижительном смысле, было специально придумано

советскими бюрократами для того, чтобы держать в кулаке «всех и вся» и раздавать пряники тем, кто, по их мнению, заслужил пряники, и давать плетей тем, кто, по их же мнению, заслужил плетей.

Нужно покончить с этой порочной практикой и вернуть провинции её подлинное достоинство...



Российская провинция город Мышкин.

Фотография С.М. Прокудина-Горского, 1910 г.

Да, в российской провинции проблем сегодня хватает: то зарплату не заплатили, того не сделали, этого не сумели –

порой, действительно тяжело, плохо, а если ещё и телевизор при этом смотреть, то хоть в петлю лезь! Но в то же время – приезжаю в город Мышкин, или город Елец, или Нижний Новгород, или Городец, или Воронеж – живут люди-то, живут, братцы! Глядишь – музеи городские открывают, собственные картинные галереи. Например, портретная галерея неизвестных художников восемнадцатого века. Чудо! Счастье! Да – это не Рубенс. Но почему это должно быть как Рубенс? Почему до сих пор русская живописная школа не стала той школой, к которой приковано внимание мира? А кто же тогда такие – Фёдор Васильев, Павел Федотов...

Мне рассказывали реставраторы из Костромы о своей поездке за границу. Они приехали в Финляндию, зашли в один музей, другой, потом вернулись в гостиницу... и запили. Я их спросил: «А отчего так? Что-то не понравилось?» «Да нет, – говорят, – чистенько всё, аккуратно... а смотреть-то особенно нечего. Жёны-то, они по магазинам сразу, а мы так и просидели в гостинице, пока всё не выпили, что с собой привезли». И действительно, ну чем их, этих замечательных костромских реставраторов, годами восстанавливающих сотни квадратных метров купольных росписей костромских храмов и монастырей, можно было потрясти в музеях Финляндии?! Потому и квасили они в гостиничном номере, обсуждая то, что им дорого, то, для чего они призваны Господом в этот мир...

И я не устану повторять: именно в российской

провинции сегодня зарождается и происходит хотя и медленное, но необходимое движение в верном для России направлении.

И нам всем следует это движение поддержать!

Или, к примеру, есть поразительный музей в Великом Устюге, вологодском городе, ставшем последнее время знаменитым тем, что оттуда к нам приходит Дед Мороз. Но это «слава» недавняя, молодая, а музей-то существует давно. В музее – Левитан, Шишкин; в музее – летописи, в которых, в частности, повествуется о том, что ещё «во время оно» мужики из Тотьмы переплыли океан и открыли в Америке форт Росс.

Как говорится: «С Новым годом!»

Губернатор Михаил Прусак в своё время водил меня по великолепному, с любовью собранному музею в Новгороде Великом, расположившемуся в тщательно отреставрированном губернаторском доме. Или в Хабаровске – существует изумительный музей живописи...

К чему я это говорю?..

К тому, что из всего этого красочной мозаикой складывается духовный образ русского народа и культурный строй нашей страны. Именно поэтому я так ценю провинцию, люблю её, много и охотно езжу по нашей необъятной стране.

И я не устану повторять: именно в российской провинции сегодня зарождается и происходит хотя и медленное, но необходимое движение в верном для России направлении.

И нам всем следует это движение поддержать!

Зарубежная Россия

После трагедии двух русских революций XX века и братоубийственной Гражданской войны Россия рассредоточилась и перестала существовать в собственных рубежах. Русский исход и русское беженство накрыли собой земной шар и породили – Россию Зарубежную.

Первая волна русской эмиграции, образовавшая и составившая ядро Зарубежной России, насчитывала более 2 млн человек. Люди бежали от революции и Гражданской войны на север и юг, на запад и восток: они уходили за рубеж через Финляндию и Польшу, Крым и Кавказ, Сибирь и Дальний Восток... Среди них были не только дворяне, коих большевики уничтожали под корень. Там было и купечество, и зажиточные крестьяне, и вольные казаки.

Это был цвет нации, умные, волевые, деловые люди, составившие славу России, её лидеры, её руководители, её управленцы. Это была российская элита, подлинная, веками выкованная...

Не знаю, найдётся ли ещё какая-нибудь страна на свете, которая смогла бы пережить такой дьявольский замысел и великую утрату своих лучших людей и сохраниться при этом как целое?

После трагедии двух русских революций XX века и братоубийственной Гражданской войны

Россия рассредоточилась и перестала существовать в собственных рубежах. Русский исход и русское беженство накрыли собой земной шар и породили – Россию Зарубежную.

Думаю, что нет.

О Зарубежной России в целом и, в частности, о том, что пришлось пережить беженцам в годы революции, Гражданской войны и на чужбине, было написано много мемуаров. (Один гессеновский «Архив русской революции» чего стоит!) Значительная часть материалов по истории русской эмиграции была собрана и сохранена в Русском Заграничном историческом архиве (РЗИА) в Праге, который после Второй мировой войны практически полностью был вывезен в Россию и долгое время хранился в спецхране, под спудом. В конце 1980-х годов, в годы перестройки, началось «рассекречивание архивных материалов» и перевод их на общее хранение. Дошло дело и до материалов РЗИА. Исследователи начали активно публиковать письма, дневники и воспоминания людей из России изгнанных, но сохранивших Россию в своих сердцах, в русском языке, в русской зарубежной литературе.

Это пронзительные тексты. Они переполнены болью и тоской по утраченной Родине. Хроника трагических судеб людей, разбросанных по миру, потрясала и волновала современных российских читателей. Огромный вклад в дело ознакомления и познания Зарубежной России был внесён

Александром Исаевичем Солженицыным, собравшим и начавшим публиковать свой знаменитый архив русской эмиграции. Но всё это, как правило, были свидетельства и воспоминания людей взрослых, поживших и много повидавших на своём веку...

И вдруг, среди потока публикаций, повествующих о жизни и судьбе наших соотечественников, возникла совершенно новая свежая струя. В 1997 году в издательстве «Терра» вышла в свет книга «Дети русской эмиграции». В ней были собраны воспоминания детей-беженцев, переживших революцию, Гражданскую войну и изгнание из России. Это потрясающий памятник и документ огромной обличительной силы. Искренняя исповедь чистых детских сердец о том, что пришлось им увидеть и пережить...

История появления воспоминаний – по словам составителя этой книги, историка-архивиста Лидии Ивановны Петрушевой – такова:

«12 декабря 1923 года в самой большой русской эмигрантской средней школе – в русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехо-Словакия) по инициативе директора А. П. Петрова были отменены два смежных урока, и всем пятистам учащимся предложили написать сочинение на тему: “Мои воспоминания с 1917 года до поступления в гимназию”. Каждый волен был писать, что хотел. При первом же ознакомлении с сочинениями стало ясно, какую огромную ценность они представляют.



Василий Васильевич Зеньковский

Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей первоначально имело замысел опубликовать полученный материал, содержащийся в пятистах ученических тетрадях. Но трудности материального характера не позволили осуществить эту идею. Были опубликованы лишь отрывки из сочинений в обработке преподавателя гимназии В. М. Левитского...

Опубликованные в отрывках детские воспоминания име-

ли исключительную историческую и психологическую ценность. Они потрясли и буквально всколыхнули всю русскую эмиграцию. Поэтому Педагогическое бюро уже в начале 1924 года обратилось к ряду учреждений и лиц, возглавлявших русские эмигрантские школы в различных государствах Западной Европы, с просьбой организовать работу по написанию сочинений на подобную же тему. Почти все, без исключения, исполнили данную просьбу, и в результате к 1 марта 1925 года в Бюро скопилось 2403 сочинения. Эти работы принадлежали учащимся 15 русских эмигрантских школ: 2 – из Турции, 1 – из Болгарии, 10 – из Югославии, 2 – из Чехо-Словакии. Авторами сочинений стали 1603 мальчика и 781 девочка.

К сожалению, Педагогическому бюро опять не удалось опубликовать сочинения полностью... Лишь отрывки из воспоминаний были напечатаны в 1925 году в Праге в сборнике «Дети эмиграции» под редакцией профессора В. В. Зеньковского...

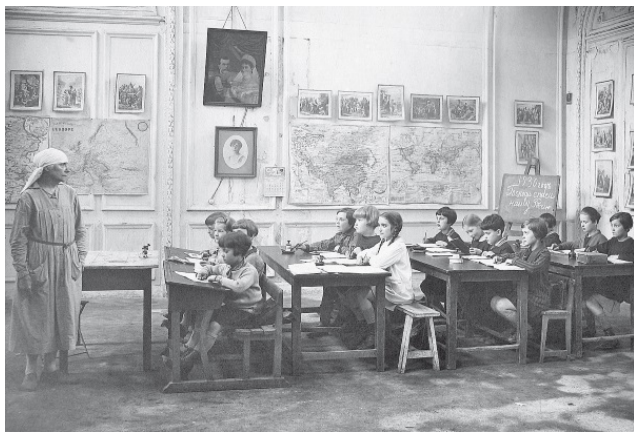
С тех пор прошло почти семьдесят лет. Многое изменилось. Но сочинения – сохранились. И мы считаем своим долгом вспомнить о них. Вспомнить и опубликовать то, что не удалось нашим соотечественникам на чужбине...

Воспоминания русских детей-беженцев, у которых фактически не было детства, – источники особенные...

О чём же они пишут?

О нормальной жизни в родной семье. И далее, почти у

всех — резкий перелом. Начинаются тяжёлые физические и душевные страдания. Гражданская война. Гибнут тысячи людей. Детство окончилось. Трудное расставание с Родиной. Скитания по разным странам в поисках угла, работы, работы трудной, физической, чтобы прокормиться. Но вдруг каким-то чудом дети опять попали в гимназию, и прерванное детство неожиданно возобновляется. Но и пережитое не забыто. Да и отношение к жизни своеобразное — не детское и не взрослое, ведь авторам от 6 до 25 лет.



Русская гимназия во Франции

Читая сочинения, мы как бы слышим выстрелы, видим горящие дома, смерть матерей и сестёр, гибель отцов и братьев на полях сражений; переживаем ужасы холода, голода, эпи-

демий; участвуем в отступлениях, многократных сменах властей в городах; скитаемся по разным странам в поисках пристанища. С потрясающей силой описаны сцены злобы, жестокости, насилия...

Это даже не воспоминания. Это картины с натуры. Переоценить их невозможно».

Вот такая книга лежит пред нами сегодня. Читать её без слёз невозможно. Давайте помянем русских детей-беженцев и почитаем вместе их сочинения такими, какими они были написаны, ничего в них не исправляя. Начнём мы с маленьких деток, а закончим почти взрослыми людьми – юношами и девушками...

* * *

Младший подготовительный класс

Мальчик:

«Когда я в первый раз вышел из дому, я думал, на каждом шагу думал, что меня укусит собака, и что я боялся привидений. У нас были знакомые. У них были две дочери и один сын. Мне тётя поймала ежа.

Я помню, что я ехал на тендере, и больше ничего не помню».

Девочка:

«Когда я была маленькая, у меня была вся беленькая кроватка; когда я ходила гулять, я собирала камушки. Я помню дедушку, он с нами жил, он ходил со мной гулять, когда он отдыхал, я валялась на траве.

Однажды я пошла в другую комнату, то я увидела какое-то чудовище, которое рычало, я испугалась. Тогда прибежала моя сестра и потащила меня к этому чудовищу, я очень испугалась и начала плакать. Тогда я вырвалась и убежала, а няня сказала, что это мой дядя переоделся чёртиком».

Старший приготовительный класс

Мальчик:

«Мы ехали на пароходе, на «Владимире», ехали мы месяц, мы ехали из России, приехали в Батум, потом мы отъехали. Нас по дороге застал туман, и мы стояли два дня посередине моря. На третий день утром тронулись и приехали на Лемнос, там мы жили в палатках. Жили двенадцать дней. Потом приехали в Сербию. Я больше ничего не помню».

Первый класс

Мальчик:

«Я родился в Петрограде и жил в этом городе три года. О моей жизни в Петрограде я ничего не помню. Потом мы поехали в Одессу. В Одессе я жил до пяти лет. Воспо-

минаний о моей жизни в Одессе не сохранилось никаких. Из Одессы мы выехали в Константинополь, мы ехали на пароходе «Габсбург». Около Константинополя мы держали карантин, стояли долго. Мы пересели на другой пароход и поехали в Принкипо. Приехали мы вечером, было совсем темно. Мы поместились на даче, дача была вся в трещинах, сильно дуло. Я простудился и заболел, у меня сделалась свинка, всё лицо распухло, я ничего не мог есть. Когда я поправился, я стал выходить. Я сделал себе змея и пускал его, это меня очень забавляло. На Принкипо мы жили большие месяца, а потом поехали в Сербию. Мы приехали в Белград и жили там целый год. Я ещё нигде не учился. А потом мы переехали в Земун, мне минуло шесть лет, и я поступил в русскую школу. Я каждый день ходил в русскую школу. Первые дни я горько плакал, всё боялся, всё хотел домой. Теперь я совсем привык».

Второй класс

Савельев Б.:

«Я был очень маленьким, когда настал для России тягостный месяц, настала революция. Я жил в Одессе, и мой папа был капитан 14-го стрелкового полка. Как сейчас помню я, как по улицам Одессы ходили рабочие с красными флагами. Все офицеры ходили без погон, и фельдфебели и солдаты им не отдавали чести. Папа и мама не позволяли мне

ходить с няней гулять. Я был настолько большим, что всё начинал понимать, и мне было это всё странно. Через месяц начались бои на улицах, пришли гайдамаки, матросы, рабочие и офицеры, ездили на броневиках, на лошадях, на углах стояли пулемёты. Если нужно было что-нибудь купить, то это было очень трудно. Но я всё-таки ходил в гимназию, и там был в младшем приготовительном классе. Но победили украинцы, и нам в гимназию пришёл приказ изучать «Ридну мову». Но через неделю пришли большевики, и нам нужно было писать без «ять» и «твёрдого знака». Эта власть недолго продержалась, и потом пришли австрийцы. Все эти власти смещали одна другую, и нас в гимназии то учили писать с «Ъ», то без «Ъ». Но наконец пришли добровольцы, и «Ъ» восторжествовало. Все эти перемены правописаний сильно подействовали на меня, и я к приходу добровольцев ставил после «а» твёрдый знак.

Но вот наступили большевики, и на улицах города Одессы начались страшные бои, даже ставень нельзя было открыть, трупы мёртвых всех партий сорили мостовые. Но вот пришли большевики. Мы со слезами провожали добровольцев и вместе с ними папу. У нас в Одесской 4-й гимназии не было занятий целый месяц. Пришли большевики, и с ними расстрелы. У нас в Одессе было страшно много расстрелянных. Мы жили около ЧеКа. Это Одесская Чрезвычайная комиссия, которая производила массовые расстрелы. Эти расстрелы были в неделю 3 раза: в четверг, субботу

и понедельник. И утром мы, когда шли на базар продавать вещи, видели огромную полосу крови на мостовой, которую лизали собаки. Я очень извиняюсь перед читателями за мою орфографию. Я пережил и холод, и голод, и страх за маму, её каждый день могли взять и расстрелять.

В 1920 году в России был страшный голод, а в 1921-м начала помогать Американская Администрация Помощи, и наконец получили известие от папы, который был уже в Сербии. Мы начали получать посылки, как вещевые, так и продовольственные. Мама начала хлопотать о паспорте и, спустя год, получила его. Мне казалось, что настал самый счастливый день, когда, после осмотра вещей мы сели на пароход, но теперь я с удовольствием бы вернулся в Россию, но не в сов-Россию, а в единую неделимую Россию, и пока только и живу этой надеждой».

Третий класс

Девочка:

«В 1917 году в январе месяце я приехала из Петербурга в Екатеринодар с мамой и сестрой. Мой отец оставался в Петербурге, так как он должен был остаться в Конвое. В конце февраля началась революция. В Екатеринодаре день революции происходил торжественным образом: все казаки были одеты в красные черкески и несли впереди красные флаги. После них шли солдаты, тоже несли красные флаги

и пели какой-то гимн, затем шли какие-то оборванцы, которые несли также красные флаги и пели тот же гимн, начало которого я запомнила. Этот гимн начинался: “Вставай, поднимайся рабочий народ”. Когда это они запели, то все присутствующие дамы заплакали, а я не понимала, почему. Но вскоре после того, как мы пришли к себе домой, к нам пришёл казак и объявил, чтобы мы сняли все портреты царствующего дома. В тот же день от нас ушли обе прислуги, говоря, что они не намерены больше теперь служить, теперь, говорили они, для них настала свобода.

Я помню ещё очень хорошо, что ночью начались выстрелы, как раз ночью, это было в то время, когда уже большевики заняли город Екатеринодар, под окнами рядом с нами в доме, где жил один генерал с семьёй. Ясно доносились крики через открытое мамой окно в спальню: “Открой! Или дверь будем ломать, открой...” Мама стояла бледная, как мрамор, а когда я её спросила, что такое, то она только ответила: “Бедные люди, бедные люди”, – и залилась слезами. Потом слышно было, как взломали дверь, и генерала вывели с женой. Жена генерала стала плакать и кричать, чтобы её сына, который был офицером, не трогали, что лучше пускай её убьют, nežели его. Но они взяли её сына и мужа и повели. Один из этих людей, которые пришли за генералом, крикнул: “На остров смерти веди их, чего с ними тут”. Мама услышала это, упала без чувств. Наша старая няня привела её в чувство и спросила, отчего она так испугалась,

но мама опять по-прежнему ответила: “Бедные люди”, – и принялась рассказывать, что было.

На второй день пришли красноармейцы и сделали обыск. Все лучшие вещи они взяли с собой и ещё пригрозили маме: “Смотри, и тебя как бы не взяли, как того белого”, – и он пальцем указал в ту сторону, где находился дом этого генерала. Мама опять побледнела и зашаталась. Вскоре после обыска пришли за мамой и объявили ей, что завтра её возьмут в тюрьму. Но мама не растерялась, когда ушли большевики, она села написать письмо дяде, который был министр в Сербии. Папе она не могла ничего писать, боясь, что могут раскрыть письмо. В письме она просила приехать бабушку, которая жила в Сербии, чтобы, если её расстреляют, за нами бы она смотрела. На второй день маму взяли, но через три дня её выпустили, её выпустил её хороший знакомый, Серасди, который был ярый большевик. Он знал ещё до революции маму, и теперь, когда она его увидела в Красной армии, страшно удивилась.

Когда мама пришла домой, мы, то есть я с сестрой и с няней, страшно обрадовались. Серасди же на второй день пришёл к нам и принёс часть вещей, которые у нас взяли при обыске. Мама его очень поблагодарила. Но стража всё же была приставлена к нашему дому. Как и к дому других офицерских семей. Многих офицеров убивали на “острове смерти”, который находился на Кубани. Когда Серасди уехал на войну, то нас с мамой позвали в чрезвычайку, где мы про-

сидели почти до самого взятия Екатеринодара Добровольческой армией. Папа приехал и рассказал маме, что взяли и арестовали Государя и Его семью, что он и дядя были приставлены стражей, чтобы охранять царскую семью. Потом папа рассказал о смерти Государя и Его семьи».

Четвёртый класс

Ермолаева Е.:

«В 1917 году я жила с мамой и папой в Воронеже. Папа служил в Кадетском корпусе. Я и Женя тогда ещё не учились, так как мы были ещё маленькие и не могли нигде учиться; дома мы учились со своей мамой и подготавливались в младшие классы гимназии.

Однажды, когда папа был в городе, в корпус пришли солдаты и ходили по всем квартирам, отбирали оружие и арестовывали офицеров. Когда пришли к нам и спросили маму дать всё оружие, мама дала всё что было из папиных шашек, револьверов и всё остальное оружие. Мама страшно волновалась за папу, так как он в это время был в городе, а там также ходили толпы солдат, кричали, пели какие-то странные песни, носили красные знамёна, грабили магазины, ловили всех военных, сдирали погоны, арестовывали. Рабочие на фабриках подняли восстание, как потом я узнала, и вообще творилось что-то для меня непонятное. Мама была страшно взволнована, потому что начиналось время

обеда, а папы всё не было. Наконец вечером пришёл папа и сказал, что он был у тётки и, потом, пришёл вместе с дядей. Через несколько дней нам сказали, что приехал Юрьевский университет, и будет, покамест, жить у нас в корпусе; занятия у кадетов прекратились, так как заняли классы под комнаты для студентов и курсисток. Через три дня после приезда университета пришли опять солдаты и сказали всем выселиться из корпуса. Мы переехали на другую квартиру.

В 1919 году в Воронеж пришли добровольцы под командованием генерала Мамонтова, все большевики ушли из города, и все обрадовались, что уже кончилась эта ужасная жизнь, но Мамонтов раздал жителям хлеб, разбил магазины, и доставил полную свободу жителям. Через три дня Мамонтов ушёл, и в город опять вступили большевики. Опять стали грабить, убивать, и ещё хуже, чем раньше; большевики были страшно злы на всех, и потому аресты и казни были беспощадны. Неделью спустя в город опять вошли добровольцы с генералом Шкуро. Тогда папа поступил в Добровольческую армию и служил там до самой последней эвакуации.

Через два месяца пришлось всем уйти из города; сказали, что на несколько дней, но оказалось, что мы уехали вот уже 6 лет, а не на несколько дней. Мы уехали без папы, так как он остался защищать город. Через 3 месяца мы встретились с папой и ехали уже вместе до самой Керчи. В Керчи мы жили в общежитии, и очень тяжело было жить. Вдруг ма-

ма заболела тифом, Женя также, и папу отвезли в госпиталь, у него был также возвратный тиф. Осталась я одна. Я помогала, как могла, маме и Жене, и, как я ни была около них близко, я всё равно не заболела.

Наконец, папа поправился и выписался из госпиталя, а мама заболела после возвратного тифа сыпным, и её пришлось отвезти в госпиталь. Я ходила каждый день навещать маму, и, когда я однажды пришла, мне сказали, что у мамы очень плохо с сердцем и что вряд ли она поправится. Я была страшно огорчена и боялась говорить папе и Жене об этом. Я не сказала им, а через несколько дней, когда мама начала поправляться, я им сказала, что мы могли остаться без мамы. Когда мама вышла из лазарета, мы переехали на другую квартиру, и я начала подготавливаться в институт. Скоро я была отдана туда. Я была в институте 4 месяца, и 2 из них я лежала в лазарете. Ко мне приходила мама и говорила, что, наверное, нам придётся уезжать из Керчи, а куда – и сама не знает. В одну прекрасную ночь за мной пришла мама и забрала меня, мы погрузились на пароход “Мечту” и поехали в Турцию. Ехать было очень тяжело, воды не было; наконец мы приехали в Галлиполи, пересели на другой пароход, “Саратов”, и приехали в Константинополь.

Здесь мы были переведены в лагерь Селимье, и здесь один офицер посоветовал отдать нас в школу, которая находилась на Принкипо. Мама начала хлопотать, и нас приняли в школу, где мы находимся до сих пор».



Эвакуация Белой армии из Крыма

Пятый класс

Мальчик:

«Что было в 1917 году, когда начался переворот в России, я очень смутно помню, потому что был ещё тогда мал, но кой-какие события припоминаю. Я ещё не понимал хорошо, что происходило вокруг, но замечал на окружающих меня лицах некоторое волнение. По улицам Одессы ходили солдаты, матросы с красными кокардами на груди. Изредка слышна была ружейная стрельба. На некоторых улицах собирался народ и о чём-то разговаривал и кричал. Я смотрел на это всё в недоумении и не мог себе объяснить, что про-

исходило. Помню, что с каждым днём усиливалась стрельба на улицах. Нельзя было выходить поздно из дому. Питание стало ухудшаться: хлеб трудно было находить, а если и удавалось найти, то с большим трудом и очень плохой. Когда наступила зима, в комнатах стало холодно, ибо топить было нечем. Такое же самое положение было и в 1918 году.

Однажды перед самым нашим домом происходила перестрелка между большевиками и солдатами добровольцами. В нашу квартиру заходили солдаты, делали обыски, но ни разу ничего не забрали. Я стал ужасно бояться их, и когда они появлялись на пороге, я удибал куда-нибудь и прятался. Все в доме волновались и не знали, что делать.

Помню был какой-то праздник большевистский – “День Бедности”, когда по улицам ехала большая телега с несколькими мужчинами и бабами, останавливалась около каждого дома, и мужчины и бабы выносили из него всё то, что им нравилось. Чуть ли не каждый день в городе менялось правительство: один день были большевики, другой – французы, третий – греки, добровольцы и так далее.

В порту стоял Добровольческий и Французский флот, который по целым дням обстреливал окрестности города.

В 1919 году я выдержал экзамен в 1-й класс Одесской 7-й гимназии, но занятия там шли неаккуратно ввиду того, что были большие беспорядки, и часто не было уроков по целым неделям. Очень многие принуждены были уезжать за границу и оставлять свою Родину, обливающуюся в крови.

Каждый день было бесконечное множество расстрелов, и много хороших людей невинно пострадали и погибли. С каждым днём, с каждым часом становилось всё невозможнее и страшнее жить. Могли каждую минуту прийти в квартиру и потащить всех в чрезвычайку на расстрел. Жить в холодной комнате, ничего не евши, и трепетать всё время над своей жизнью было больше нелегко, и вот 24 декабря 1919 года вся наша семья села на пароход и, после больших мытарств, претерпевших на нём, прибыла в Варну – болгарский порт. Пробыв некоторое время в Варне, в карантине, мы, через Софию, приехали в Белград».

Шестой класс

Петров Михаил:

«Помню хорошо первые дни революции. У всех на груди красовался красный бант, эмблема Свободы. Мы, мальчишки, также не отставали от старших и с особенным рвением пели революционные песни. Было очень весело ходить по улицам Севастополя с красными флагами. Казалось, что теперь будет не жизнь, а рай. “Свобода! Свобода!” – это слово было теперь у всех на устах. Но дальнейшее показало не то; первый пыл прошёл. Наступили теперь кровавые дни и ночи “Великой бескровной”. По квартирам стали шарить озверевшие матросы и с ними другие подозрительные личности и под предлогом “есть оружие” крали ценные вещи, а военных

забирали и расстреливали за городом на Малаховом кургане, на улице или же прямо в квартире. К нам в квартиру не раз врывались матросы, “ища оружие и офицеров”, но, к счастью, ни того, ни другого не находили. Муж моей сестры, он был в то время мичманом, имел мандат, данный ему матросами, поэтому его не трогали. Около парадной двери был маленький сарай, туда мы прятали знакомых офицеров, и, Бог миловал, ни одного из них не поймали.

В это время отец был в станице Петропавловской. Резня офицеров происходила также на военных судах, особенно прославился “Алмаз”. Мёртвых офицеров вывозили на катерах в море, привязывали балласт на шею и бросали в море. Когда начались бури, трупы выбрасывало, многие опознавали своих близких. Особенно много трупов было выброшено на Приморском бульваре. Матросы зверели и мучили жестоко последних офицеров. Я сам был свидетелем одного расстрела. Привели трёх офицеров, по всей вероятности мичманов. Одного из них убили наповал, другому какой-то матрос выстрелил в лицо, и этот остался без глаза и умолял добить, но матрос только смеялся и бил прикладом в живот, изредка коя в живот. Третьему распорол живот и мучили, пока он не умер.

Наконец, наступил конец этой бойни, вступили и расправились с ними антибольшевистские войска. Мы вздохнули легко. Я не помню, как долго были у нас эти войска, но помню их эвакуацию. Большевики наступали быстро и уже

подходили к Севастополю, когда началась эвакуация; местные большевики начали действовать. Повсюду расклеивали прокламации. Скоро погрузка войск закончилась и вступили большевики.

Цены на все продукты поднялись; за хлебом, который давался по карточкам, приходилось стоять с 2 часов дня до следующего утра. Да и давали какой хлеб, настоящие отруби. Было очень трудно жить. Через дорогу от нас находилась чрезвычайка. Перед уходом большевиков ночью мы слышали глухие выстрелы, но не обратили внимания. Наутро большевики выступили из города, несколько часов не было никакой власти. Но затем высадились добровольцы. Я пошёл посмотреть в подвал чрезвычайки, и то, что я там увидел, заставило меня выскочить обратно. Весь пол был залит кровью, на котором лежало несколько трупов. У одного из них, как я заметил, лицо представляло решето. Теперь я понял те таинственные выстрелы, слышавшиеся ночью.

При добровольцах нам жилось довольно сносно. Муж моей старшей сестры служил в армии, но был в тылу. Но постепенно положение стало ухудшаться. Первое время правление добровольцев население хвалило, но потом это отношение стало изменяться к худшему. Я не знаю, как поступали офицеры, избивая извозчиков, торговцев, но думаю, что плохо. Я сам был свидетелем сцены, разыгравшейся на улице. Одна из них была такая. Какой-то офицер, совершенно пьяный, гнался за извозчиком, ругая матерными словами,

крича: “Я тебя зарублю”. Хорошо, что тогда шёл какой-то офицер из комендантского управления и забрал его в комендантское. Другой раз несколько офицеров били извозчика за отказ везти их, пока они не заплатят ему деньги. Не знаю, как будет относиться к этому население, любить эти сцены? Я думаю, что нет.

Летом 1920 года я поступил в штаб командующего флотом рассыльным. Это время было одно из самых трудных, которое мне приходилось переживать. Из штаба к концу лета я уехал в эту школу, которая недавно образовалась в окрестностях Севастополя, а именно в Балаклаве. В 1920 году мы узнали, что большевики прорвались за Перекоп и будет эвакуация. Спустя некоторое время мы уехали в Турцию, где и находимся до сих пор».

Седьмой класс

Есаулов Борис:

«Когда в России с 1917 года случился переворот и события с ужасающей быстротой следовали одно за другим, я был в N-ском Кадетском корпусе. Весть об отречении Императора от престола была принята нами с недоумением. Ни я, ни мои сверстники ещё не смыслили и, конечно, не могли хотя бы отчасти понять обстановку и вникнуть в события. Но все мы любили Государя, и когда, читался Его Манифест в церкви перед всеми, многие плакали. Но сейчас же

началось усердное вдавливание в наши головы, что после отречения Императора настанет рай на земле. Был у нас преподаватель русского языка, и он же в нашем классе воспитатель. Так что нам пришлось больше всего послушать его слащавых речей о свободе, о какой-то заре, возшедшей над русским народом. Много, много говорил он нам. Но, кажется, к счастью, его слова никому не заронили в душу сомнений. Он сам своими привычками, характером не был воплощением той идеи, которую так усердно проповедовал. Когда давали присягу Временному правительству, то многие исполняли это просто как отбывание номера. Преподанной искренности в приношении присяги при поступлении в корпус, конечно, не было.

Вскоре после этого нас распустили вплоть до особого распоряжения, и здесь пришлось окунуться в самый водоворот пробуждающегося сознания собственных сил у низшего класса. На железной дороге творилось что-то ужасное. Солдаты бравировали своей циничностью, оскорбляли на каждом шагу всех тех, кто, по их представлению, был приверженцем старого режима. Кое-как я добрался домой.

В нашу станцию, находившуюся далеко от железной дороги, ещё не докатилась волна безумства. Жизнь протекала ещё в старых рамках. Но потом, когда разгоревшиеся страсти достигли своего апогея и вылились в выступление большевиков и они захватили высшую правительственную власть в свои руки, то уже и в станцию стали про-

никать провокаторы, и началась подпольная работа. Казаки, возвратившиеся с фронта, были почти все самыми яркими большевиками. Приходилось только удивляться, как могли люди, раньше отличавшиеся таким святым поклонением перед царём, олицетворявшим могущество России, теперь презирать эту же Россию. Казалось невероятным, что человек, воспитанный на самых гуманных принципах, вдруг терял голову, кричал о том, что у него кто-то пил кровь, кто-то на его несчастье строил своё благополучие, заглушал в нём стремление к правде. Тогда я объяснил себе это тем, что, значит, были какие-то причины, заставившие всю Россию с остервенением броситься на всех тех, кто, так или иначе, стояли выше.

Мне кажется, что у революции было потому так много приверженцев, что она выставила слишком много лозунгов. Все те, кто, так или иначе, был чем-нибудь недоволен, шёл за ней. Одним она давала землю, другим 8-часовой рабочий день, свободу печати, свободу слова и собраний, свободу личности и много-много хорошего обещалось великой бескровной революцией. Но когда она пошла совсем по другому руслу, многие спохватились, а было уже поздно.

Да и спасение Родины шло слишком оригинально. Во всех этих благих начинаниях Россия отступала на задний план. Под лозунгом "Спасай Родину!" скрывалось желание нажиться и самые низкие стремления. Как-то странно, с одной стороны, такое громадное напряжение сил, и мораль-

ных и физических, такой успех, и, кажется, вот уже близко, и вдруг – крах, полнейшее поражение и всё лопнуло...»

Восьмой класс

Девушка:

«Мои воспоминания о революции смутны и неясны, ещё ребёнок, мне было тогда 12 лет, я многое не могла понять и уяснить. Насколько хорошо я понимала значение Великой войны, насколько она мне казалась важной и необходимой для славы русского народа, настолько неясной и стихийной явилась для меня, ребёнка, Февральская революция. Но интересно то, что воспитанная в патриархальной русской семье, мало занимающейся политикой, для меня лично Февральская революция явилась чем-то светлым, радостным, каким-то праздничным событием. С живым интересом следя за ходом Великой войны и близко с ней соприкасаясь благодаря раненым и беженцам, я чувствовала к концу 1917 года в окружающих меня людях какую-то апатию, какое-то безразличие; что-то нудное, тёмное и безнадёжное появилось тогда в людях вместо горячего патриотизма и веры в победу. Почему это было так, я себе тогда этого не уясняла, но и сама поддалась невольно этому настроению. А здесь вдруг Февральская революция, переворот, отречение Императора Николая II, совершенно новая перспектива, новые надежды и новые веяния. Чем бодрым, сильным и новым

повеяло на меня, даже я, ребёнок, почувствовала тогда какой-то подъём, какое-то сознание своих сил и надежду на победный исход войны. Одно смущало меня и оставалось для меня непонятным, почему Император Николай II отрёкся и за своего сына, наследника Алексея, и почему Россия не стала конституционной монархией?

Другим ярким воспоминанием уже более позднего периода является восстание большевиков в 1918 году, 28 октября. Моя семья в продолжение всей революции безвыездно жила в Москве, и я хорошо помню этот период. Восстание большевиков началось совершенно для меня неожиданно, утром я была разбужена пушечными выстрелами, и с этого момента в продолжение целой недели гул канонады не прекращался. Здесь в первый раз я научилась распознавать трескотню пулемётов от винтовочных выстрелов и взрывов больших снарядов. Наша квартира на Поварской улице была как раз между двух огней. На Воробьёвых горах были большевики и обстреливали Александровское военное училище, где стойко и храбро защищались юнкера и кадеты. В это время наш дом представлял из себя маленькую крепость, совершенно отрезанную от остальной Москвы. Во дворе были построены высокие баррикады из дров и досок, ворота были забаррикадированы, и в продолжение целой недели ни одна живая душа не вышла из дома. Все эти меры принимались на случай вторжения в наш район большевиков. Никакие определённые сведения о результатах боя до нас не доходили, и нам оста-

валось только как можно лучше забаррикадировать все окна от пуль и с ужасом смотреть, как в соседние дома попадают снаряды. Но вот постепенно канонада стала стихать, и до нас начали доходить печальные новости, что юнкера и кадеты, не получая никакой поддержки, слабеют, и скоро нам стало известно, что большевики победили, и нет никакой надежды на возможное сопротивление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.